ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

А.В.Харинский, Ю.А.Емельянова, Г.К.Рыков

Иркутский государственный технический университет
E-mail: kharinskiy@istu.edu,
tonag@inbox.ru

СЕВЕРНО-ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНОК

Введение

Северо-западное побережье озера Байкал протянулось от мыса Елохин на юго-западе до дельты реки Верхняя Ангара на северо-востоке. На западе оно ограничено Байкальским хребтом, на северо-западе — хребтом Унгдар, на севере — отрогами Северо-Байкальского нагорья. В некоторых местах горы вплотную подступают к озеру, не образуя даже узкой прибрежной полосы, по которой могла бы пройти тропа. В других частях побережья расстояние от гор до береговой полосы достигает 5 км, как, например, в районе Богучанской бухты. В административном отношении северо-западное побережье Байкала входит в состав Северобайкальского района Бурятии.

Самые ранние следы пребывания человека на северном побережье Байкала относятся к периоду верхнего палеолита — мезолиту. Они зафиксированы на нескольких стоянках в бухте Курла и на берегу Лударской губы (Хлобыстин, 1956; Шмыгун, Ендрихинский, 1978; Шмыгун, 1978; Шмыгун, Филиппов, 1980; 1982; Абдулов, Уваров, 1980; Абдулов, 1991). Памятников, датирующихся более поздним временем, отмечено намного больше. Они встречаются на берегах практически каждой бухты. Большая их часть относится к тому периоду, когда человечество впервые начало использовать изделия из металла, основу которых составляла медь. Традиционно это время подразделяется на два периода: энеолит и бронзовый век. Первый из них характеризуется наличием металлических изделий из меди, второй — из сплавов, с преобладанием меди. Под энеолитом понимается эпоха внедрения и широкого использования медных изделии, приводящих, как правило, к деградации кремневой индустрии, обеднению наборов каменных орудий (Массой, 1982: 7). В отличие от более южных регионов, в орудийных наборах жителей байкальского побережья на всем протяжении эпохи палеометалла и даже в раннем железном веке, изделия из камня, как и в период неолита, преобладали. Лишь в конце I тыс. до н.э. — в елгинское время каменные орудия в Прибайкалье окончательно вытесняются металлическими.

На территории Прибайкалья выделение двух периодов для эпохи раннего металла не подтверждается. Даже самые ранние металлические вещи, обнаруженные в регионе, содержат в своем составе кроме меди еще и другие искусственные примеси. Правда, наряду с ними встречаются и чисто медные изделия, но они единичны (Харинский и др., 2005). Отсутствие в истории Прибайкалья периода, на протяжении которого люди использовали только медные вещи, позволяет исключить из региональной культурно-хронологической схемы этап, именуемый энеолитом. Поэтому правомерно считать исторический период с момента появления первых вещей из цветных металлов и до начала распространения железных изделий — бронзовым веком. Основываясь на радиоуглеродных датах, его можно соотнести со второй половиной IV — серединой I тыс. до н.э.

К настоящему времени на стоянках бронзового века северо-западного побережья озера Байкал не обнаружено следов производства меди или ее сплавов, также отсутствуют артефакты, изготовленные из нее. Это может свидетельствовать о незначительном использовании металлических

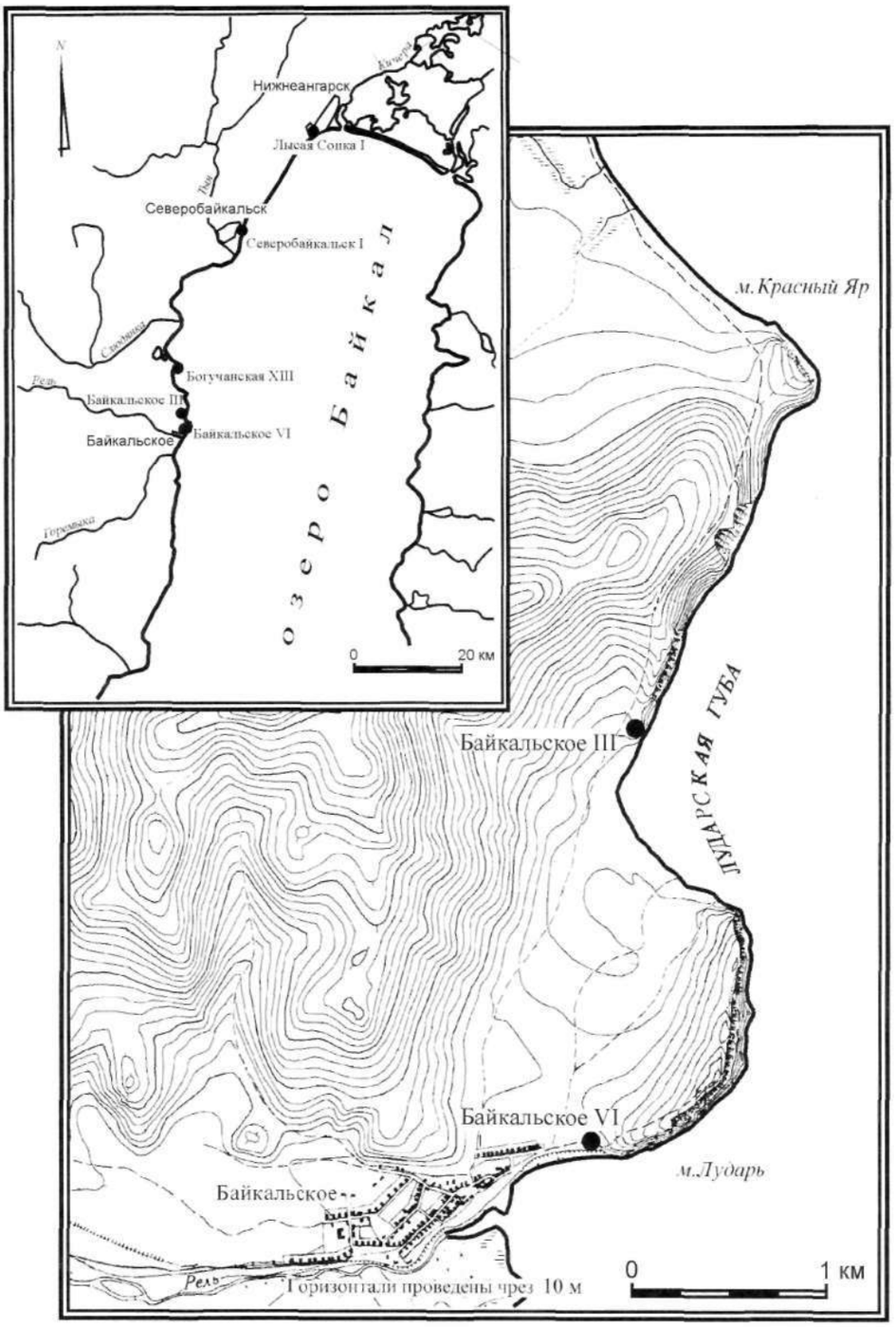

Рис. 1. Карта расположения археологических объектов с керамикой северобайкальского типа на северо-западном побережье озера Байкал

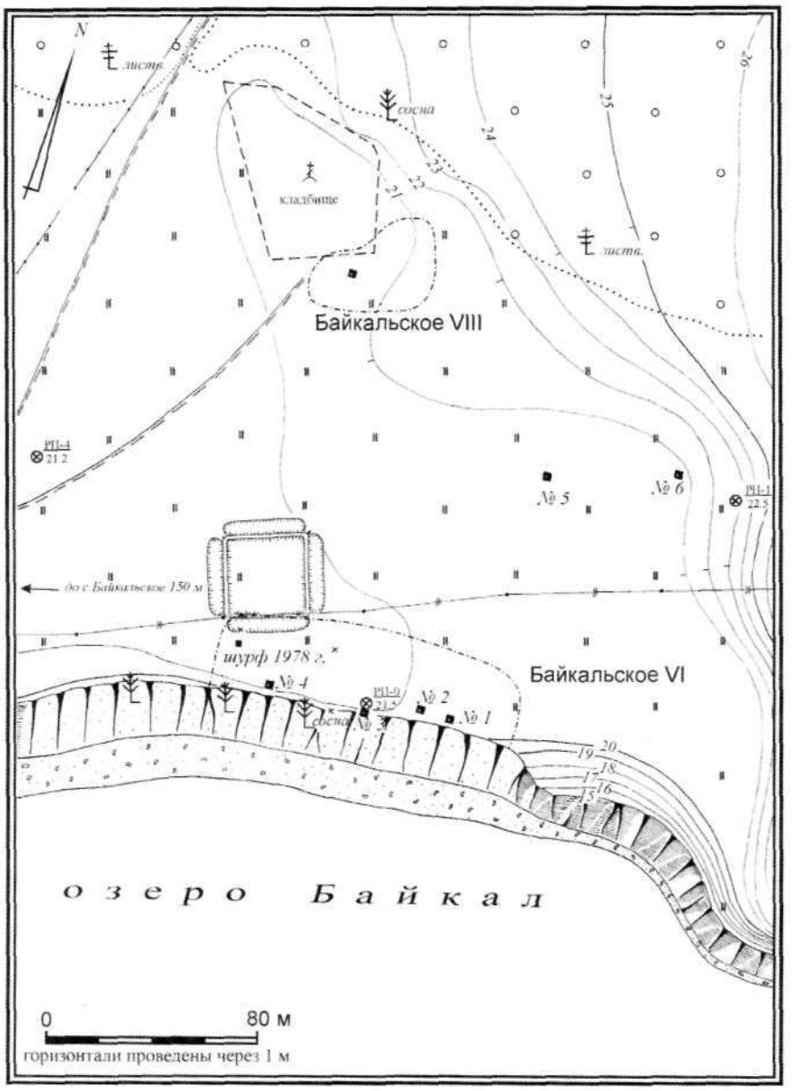

Рис. 2. Байкальское VI

вещей жителями Северного Прибайкалья в это время или об их большой ценностью, что не способствовало утилизации металлических изделий и приводило к их неоднократному переиспользованию.

Соотношение отдельных археологических комплексов бронзового века на северо-западном побережье Байкала проводится преимущественно на основе анализа входящей в них керамики. К бронзовому веку относятся сосуды с гладкими или покрытыми штриховыми оттисками стенками, с округлым дном, орнаментированные различными вдавлениями. Преобладают вдавления, выполненные лопаточками или штампами разных конфигураций. На некоторых сосудах встречаются налепные или вытянутые валики. Значительно отличаются от сосудов бронзового века предшествовавшие им по времени горшки с оттисками сетки-плетенки (керамика исаково-серовского типа). Подобная керамика на побережье Байкала использовалась на протяжении всего неолита. В Приольхонье она встречена на многослойных стоянках: в Г/2 (X культурном горизонте) Улан-Хады, датирующемся в пределах 6,5-5,0 тыс. л.н. (ранний неолит) (Горюнова, Хлобыстин, 1992), VI-V слоях Итырхея (Горюнова, Кузьминский, 1976). Фиксируется она и в развитом неолите Приольхонья (5,0-4,5 тыс. л.н.): в V-III куль-

турных горизонтах Берлоги, IX культурном горизонте Улан-Хады и IV-III культурных горизонтах Итырхея (Горюнова, Воробьева, 1986). Керамика с негативами сетки-плетенки встречается и в серовских захоронениях Приольхонья, правда в количественном отношении уступает гладкостенным сосудам. Из 29 горшков, найденных в серовских захоронениях, 3 с оттисками сетки-плетенки (Горюнова, 1997: 88). О.И.Горюнова отмечает, что на территории Приольхонья серовские захоронения имеют более поздний возраст, чем в Приангарье. Они синхронизируются с **III** слоем Берлоги, **II** слоем Итырхея, IX слоем Улан-Хады и **III** слое Саган-Забы и датируются в интервале 4,6-4,3 тыс. л.н. (Горюнова, 1997: 98-99).

Другим маркером, определяющим, в отличие от керамики с негативами сетки-плетенки, уже верхнюю границу бытования сосудов бронзового века, является посуда с оттисками грубого шнура, получившая название керамики сеногдинского (Харинский, Карнышев, 2003) или тышкинэйского (Воробьева, Горюнова, 1996) типа и датирующаяся на побережье Байкала **XIII** в. до н.э. — **I** в.н.э. (Туркин, 2003; Горюнова, Воробьева, Орлова, 1996; Харинский, 2005; Горюнова и др., 2008; Карнышев, Кичигин, 2008). В разных районах побережья хронология сеногдинской керамики может отличаться. Например, на северном побережье Байкала она появляется не ранее X в. до н.э., зато существует на 3-4 столетия дольше, чем в Приольхонье (Кичигин, 2009). Сеногдинские сосуды орнаментированы круглыми и личиночными вдавлениями, горизонтальными и наклонными валиками, иногда деформированными с помощью пальцев.

Керамика с оттисками сетки-плетенки и оттисками шнура является хорошим хронологическим индикатором при дифференциации археологического материала. Находки на стоянках вместе с ней керамики других типов, в том числе и бронзового века, позволяют определить ее относительный возраст. Если разные типы керамики располагаются на различных стратиграфических уровнях, то с определенной долей условности можно выстроить их периодизацию. Но бывает, что керамика разных типов находится на стоянках бронзового века в смешанном состоянии. В этом случае можно говорить о синхронности выявленной группы артефактов, или о компрессии рыхлых отложений, в которых они залегают.

К числу сосудов, датирующихся бронзовым веком, на побережье Байкала относится и керамика северобайкальского типа (Абдулов, Пилипчук, 1982; Горюнова, 1996; Емельянова, 2005; 2008; 2009; Емельянова, Абдулов, 2009). Она встречается в различных частях байкальского побережья (Горюнова, 1996; Емельянова, 2009), но наибольшая ее концентрация фиксируется именно на северо-западном берегу озера. Для того чтобы определиться со временем существования этого керамического типа, рассмотрим контекст археологических объектов, на которых она была обнаружена.

К настоящему времени керамика северобайкальского типа найдена на стоянках Байкальское VI, Богучанская **XIII,** Северобайкальск I, святилище Лысая Сопка I и поселении Байкальское **III** (рис. 1). Функциональное назначение этих археологических объектов определяло особенности их топографии, планировки и формирования культурных слоев. Материалы с поселения Байкальское **III** и святилища Лысая Сопка I уже частично опубликованы (Свинин, **1966;** Абдулов, Пилипчук, 1982; Сидорчук, 1997; Емельянова, Харинский, 2008; Емельянова, Абдулов, 2009), поэтому остановимся лишь на описании северобайкальских стоянок. Последовательность описания археологических объектов, на которых зафиксирована керамика северобайкальского типа, приводится исходя из их расположения на побережье Байкала — с юга на север.

В ходе открытия и дальнейшего изучения археологических памятников Северной Бурятии их названия могли меняться. Связано это с попыткой унификации названий всех археологических объектов, предпринятой Министерством культуры СССР в 80-х гг. **XX** в. Памятнику давалось имя ближайшего населенного пункта и присваивался порядковый номер. Отдельные номера закреплялись за различными типами археологических памятников (поселения, городища, могильники и т.д.). Предпринятая унификация лишь усложнила систематизацию археологических данных. Появились названия с длинными порядковыми номерами. Ведение раздельной нумерации, основанной на функциональном значении объекта, тоже не оправдало себя, а лишь запутывало исследователей. Обозначенные сложности, привели к пересмотру названий некоторых археологических объектов в 90-е гг. XX в. В дальней-

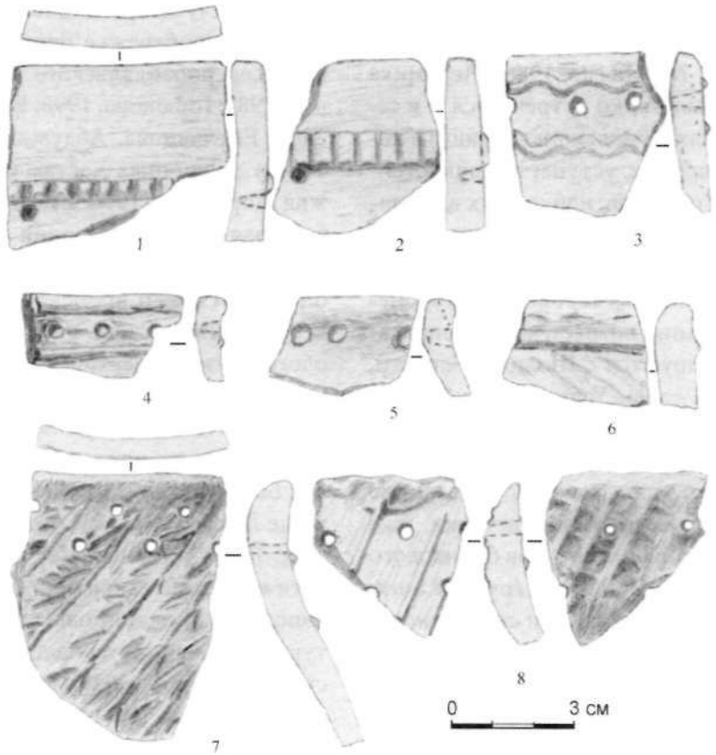

Рис. 3. Байкальское VI, керамика, подъемные сборы Н. Панова в 1902 г.

шем, вновь выявленному памятнику присваивалось имя ближайшего географического объекта (гора, река, залив, населенный пункт и т.д.) и велась сплошная нумерация в независимости от его функционального назначения. Во избежание путаницы, в истории археологических исследований иногда приводится несколько названий археологических объектов: первоначальное и современное. Так, например, Байкальская VI в работах А.Д.Цыбиктарова (Цыбиктаров, 1979) и А.В.Харинского фигурирует под названием «стоянка Байкальское I» (Харинский, 1988), Богучанская XIII под названием стоянка «Байкальское XII» (Харинский, 1988).

Байкальское VI

Стоянка Байкальское VI находится в 150 м к востоку от с. Байкальское в юго-восточной части 21-метровой террасы, примыкающей с запада к Лударскому мысу (рис. 2). Северная часть террасы поросла лесом, состоящим преимущественно из лиственницы, сосны и кустов рододендрона даурского. У леса располагается сельское кладбище. К западу от него в сторону Лударской губы следует проселочная дорога. К югу от кладбища в 1988 г. выявлена стоянка железного века, получившая название Байкальское VIII. В западной части террасы начинаются постройки с. Байкальское. В 80-е гг. перед ними стояла изгородь, за которой паслись телята. Сама же терраса у местного населения именовалась «Телятником». Западная часть террасы начала застраиваться в 70-80-е гг. До этого здесь находилось старое кладбище, от которого в настоящее время практически не осталось следов. На юге терраса оканчивается крутым склоном, спускающимся к оз. Байкал. В ее центре, в 27 м к северу от обрыва, располагается четыре-

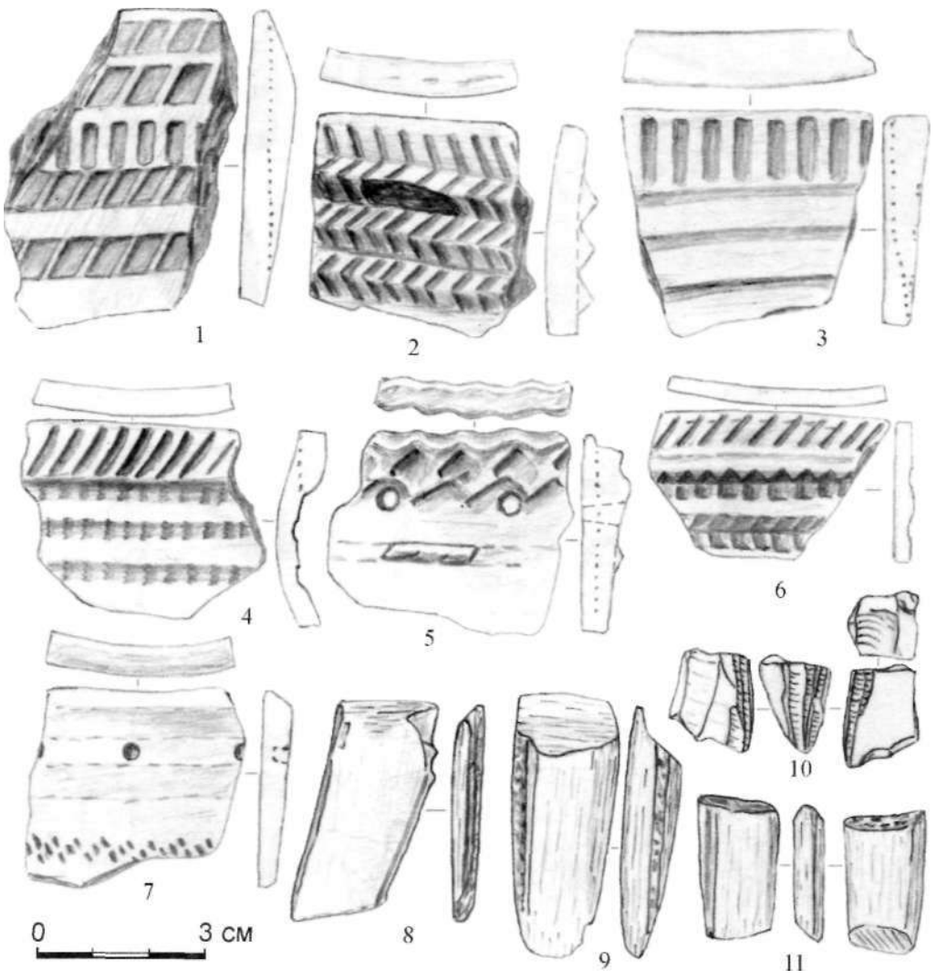

Рис. 4. Байкальское VI, подъемные сборы А.В. Вознесенского. 1-7 — керамика, 8-11 — камень

хугольная площадка, окруженная земляными насыпями. В конце 60-х — начале 70-х гг. прошлого века в этом месте планировалось сделать склад ГСМ, но дальше земляных работ дело так и не пошло. В конце XIX в. — первой половине XX в. поверхность террасы распахивалась. Следы перепашки хорошо видны в земляных обнажениях и представлены слоем серой или темно-серой супеси мощностью 30-40 см. Сверху его перекрывает тонкий слой дерна, а внизу четкая ровная граница отделяет от белесой или светло-желтой супеси.

Коллекция находок, собранных на стоянке Байкальское VI, стала формироваться в начале XX в. Первые подъемные сборы на памятнике проведены Н.Пановым. Коллекция, собранных им артефактов, хранится в Кунсткамере (Санкт Петербург) под номером 734 (Панов, 1902; Попова, 1988). Одна часть находок — 26 единиц зарегистрирована под буквой «а», другая часть — 46 единиц зарегистрирована под буквой «в».

Обнаруженную Н.Пановым керамику можно разделить на две культурно-хронологических группы. Первая из них включает остатки сосудов елгинского типа и датируется концом I тыс. до н.э. — сер. I тыс. н.э., вторая группа относится к I тыс. до н.э. и сопоставима с керамикой сеногдинского типа (Харинский, 2005; Кичигин, 2009). Среди елгинской керамики наиболее выразитель-

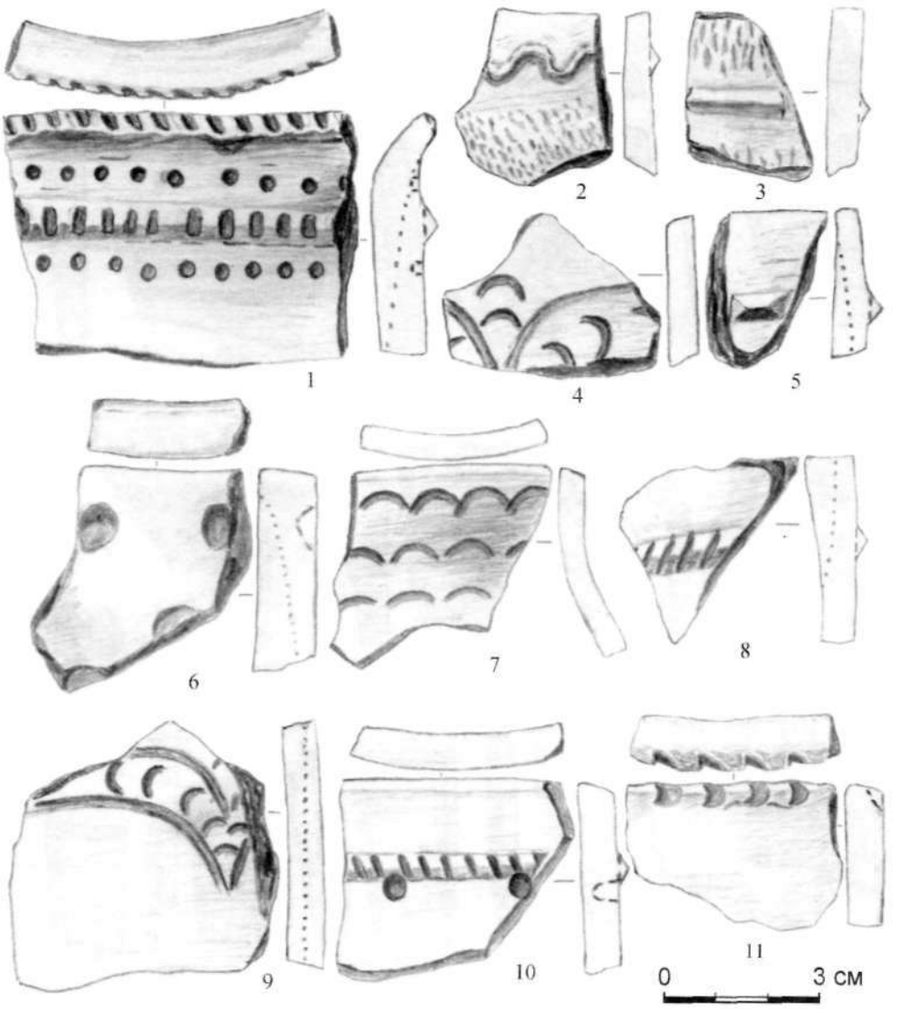

Рис. 5. Байкальское VI, керамика, подъемные сборы А.В. Вознесенского

ными являются три фрагмента. Один из них закрытой формы, устье отсутствует. Верхний срез венчика прямой. В 2,8 см ниже венчика располагается горизонтальный налепной валик шириной 5 мм, имеющий в сечении вид трапеции. Он украшен поперечными вдавлениями треугольными в сечении. Под валиком находится круглое, конусовидное в сечении углубление (рис. 3-1). Другой фрагмент керамики имеет прямой венчик, ниже которого на расстоянии 1,8 см располагается налепной горизонтальный валик шириной 0,8 см. В сечении валик имеет трапециевидную форму. Он украшен поперечными прямоугольными вдавлениями. Под валиком находится круглое, конусовидное в сечении углубление (рис. 3-2). Третий фрагмент имеет слегка отогнутый наружу венчик, который образован налепом с внешней стороны сосуда. Верхний срез венчика прямой. По шейке (контрактуре) сосуда идет ряд круглых вдавлений, четырехугольных в сечении (рис. 3-5).

Среди сеногдинской керамики можно выделить пять фрагментов верхней части сосудов. У одного из фрагментов венчик овальной формы слегка скошен наружу. Стенки прямые, устье не прослеживается. На расстоянии 4 мм от края венчика проходит горизонтальный волнистый налепной валик толщиной 3 мм. В 9 мм ниже первого валика располагается второй такой же ва-

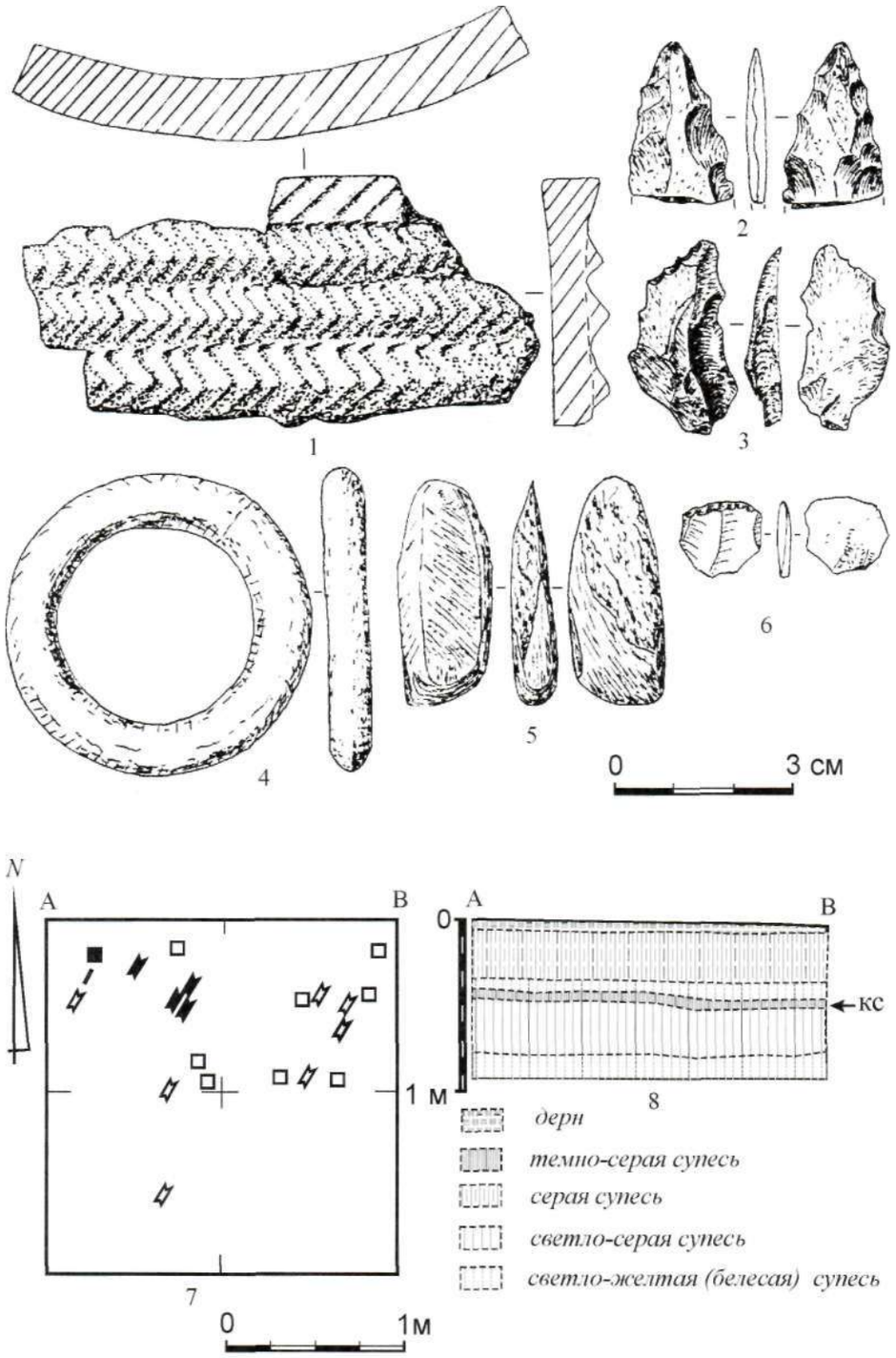

Рис. 6. Байкальское VI, материалы 1986 г.: 1, 7, 8 — шурф № 1; 2,6 — шурф № 2; 3-5 — подъемные сборы. 1 — керамика, 2-6 — камень

лик. Волны верхнего валика образованы посредством воздействия на него пальца снизу вверх, а на нижнем валике сверху вниз. Между валиками располагается горизонтальный ряд круглых отверстий, в разрезе имеющих форму конуса (рис. 3-3). Второй фрагмент керамики имеет слегка обозначенное устье. Венчик грибовидный внешне асимметричный. В 7 мм ниже верхнего края венчика идет ряд круглых вдавлений, конусовидных в разрезе. Между вдавлениями фиксируются царапины, образованные приостренной палочкой, вероятно, той же, которой выполнялись и вдавления. В 3 мм ниже вдавлений располагается горизонтальный налепной валик, треугольный в сечении (рис. 3-4). Третий фрагмент имеет прямую стенку, устье не выражено. Венчик овальный, скошенный внутрь. В 8 мм ниже верхнего края венчика на сосуде располагается горизонтальный налепной валик треугольный в сечении. Выше валика сохранились следы оттисков ногтя, образовавшиеся в результате формовки венчика сосуда. Под венчиком фиксируются наклонные оттиски, оставленные в ходе обработки стенок сосуда (рис. 3-6). Четвертый фрагмент сосуда имеет устье. Венчик округлый, скошенный внутрь. В 6 мм ниже верхнего среза венчика на расстоянии 15 мм друг от друга располагаются налепные валики, имеющие наклон вправо. Валики примазывались к стенкам сосуда с помощью пальцев, следы которых сохранились с двух сторон от них. Под воздействием пальцев валики частично деформировались, приобретя небольшой изгиб. Устье сосуда украшено рядом круглых отверстий. Они располагаются попарно между валиками. Верхнее отверстие смещено вправо относительно нижнего (рис. 3-7). Пятый фрагмент сеногдинской керамики также имеет устье. Венчик приостренный, отогнутый наружу. Он деформирован посредством пальцевых защипов, следы которых располагаются наклонно по его внешнему краю. В 6 мм ниже верхнего среза венчика на расстоянии 15 мм друг от друга располагаются наклонные налепные валики, имеющие наклон вправо. Валики прямые. Устье сосуда украшено рядом круглых отверстий. Они располагаются попарно между валиками. Верхнее отверстие смещено вправо относительно нижнего. Внутренняя часть устья сосуда украшена вдавлениями ромбической формы (рис. 3-8).

Еще одна коллекция находок собрана на стоянке Байкальское VI директором Иркутской магнитной обсерватории А.В. Вознесенским и местными крестьянами. Она передана в Кунсткамеру (Санкт Петербург) через А.П. Герасимова 17 февраля 1909 г. Коллекция зарегистрирована под номером 1365 (Вознесенский, 1909) и включает 124 предмета, 108 из которых являются фрагментами керамики. Керамика, вошедшая в коллекцию, может быть разделена на четыре культурно-хронологические группы. Первая из них сопоставима с керамикой елгинского типа, вторая группа соотносится с керамикой сеногдинского типа, третья группа включает керамику северобайкальского типа, четвертую группу составляет керамика посольского типа и сосуды, украшенные горизонтальными желобками.

Керамика северобайкальского типа относится к бронзовому веку и датируется второй половиной III — II тыс. до н.э. (Емельянова, 2008; Емельянова, Харинский, 2008; Емельянова, Харинский, Лозей, 2009). У северобайкальских сосудов фиксируется округлое дно и хорошо выраженное устье. Среди орнаментальных мотивов преобладают налепные треугольные в сечении валики, рассеченные вдавлениями лопаточки с прямым окончанием или с угловым вырезом, располагающиеся в несколько рядов в верхней части сосудов. Ниже валиков поверхность сосудов украшена рядами разнообразных штампов и оттисков отступающей лопаточки.

Керамика посольского типа встречается в Приангарье, Приольхонье, в северо-западном и западном Забайкалье и на среднем Енисее, где датируется в пределах 3-го тыс. до н.э. (Горюнова, Хлобыстин, 1992: 44). Для керамики этого типа характерен треугольный налеп в верхней части сосуда, который выполнен с внешней или внутренней стороны. Представительная коллекция керамики этого типа обнаружена в Г/1 слое Улан-Хады (Горюнова, Хлобыстин, 1992: рис. 17-1, 2, 4-11), во II-I слоях Кулары III (Горюнова и др., 2000), во II слое поселения Улярба (Новиков, Долганов, 2008), в VI и VII культурных горизонтах стоянки Катунь I (Номоконова, Горюнова, 2004), в IV горизонте стоянки Окуневая IV (Горюнова, Лыхин, 1985), на Посольской стоянке (Константинов и др., 1995; Цыденова, Хамзина, 2006). Вдоль венчика сосуда, как правило, располагается поясок мелких отверстий; по поверхности налепа — «пунктирный» орнамент, по ту-

лову — ряды отступающей лопаточки. На некоторых сосудах оттиски лопаточки располагаются так близко друг к другу, что образуют горизонтальные желобки. Подобная техника нанесения орнамента сближает посольские сосуды с керамикой, также найденной в Г/1 слое Улан-Хады, но не имеющей утолщения в привенчиковой части. На этой керамике желобки образованы вплотную примыкающими друг к другу оттисками зубчатого штампа (Горюнова, Хлобыстин, **1992:** рис. **16-1,** 2, **6)** или пунктирными вдавлениями (Горюнова, Хлобыстин, 1992: рис. 17-13, 15, 17, 18, 20).

Наиболее древние сосуды из сборов А.В. Вознесенского представлены четырьмя фрагментами, один из которых сопоставим с керамикой посольского типа (рис. 4-1). Фрагмент коричневого цвета. В его верхней части с внешней стороны имеется налеп треугольной формы шириной 4,5 см, толщиной 0,5 см. Верхняя часть налепа украшена двумя рядами четырехугольных наклонных вдавлений. Под ними, в нижней часть налепа, располагается ряд четырехугольных вертикально вытянутых оттисков. Ниже него идут два ряда четырехугольных наклонных вдавлений, таких же, как и в верхней части сосуда.

В одну группу с сосудом посольского типа включены фрагменты, украшенные горизонтальными желобками. На одном из них, серо-коричневого цвета, три горизонтальные желобка проведены предметом с округлым концом шириной 0,3 см. Выше желобков у края сосуда проходит ряд из четырехугольных вертикально вытянутых вдавлений (рис. 4-3). На другом фрагменте рыжего цвета три горизонтальных желобка образованы вдавлениями отступающей лопаточки с зубчатым концом. У края сосуда, выше желобков, имеется ряд наклонных четырехугольных вдавлений (рис. 4-4). На третьем фрагменте рыжего цвета два желобка образованы вдавлениями отступающей лопаточки с приостренным концом. В верхнем желобке приостренный край палочки обращен вверх, а в нижнем налево. Снаружи, выше желобков, верхний край сосуда украшен рядом четырехугольных наклонных вдавлений (рис. 4-6).

В коллекции А.В. Вознесенского имеется один фрагмент сосуда, сопоставимый с керамикой северобайкальского типа. Он рыжего цвета, имеет прямой, отогнутый наружу венчик. Верхняя часть сосуда украшена рядом четырехугольных наклоненных влево вдавлений. Ниже него располагаются три примыкающих друг к другу налепных валика треугольных в сечении. Ширина валиков 0,8 см, ширина 0,4 см. Верхняя и нижняя грани валиков украшены рядом наклонных четырехугольных вдавлений. Вдавления на верхней грани наклонены вправо, а на нижней грани влево (рис. 4-2).

Сеногдинская керамика представлена двумя фрагментами верхней части сосудов. Один из них снаружи имеет серую окраску, а внутри рыжую. В верхней части сосуда имеется два ряд наклонных прямоугольных вдавлений, деформировавших венчик, придав ему волнистую форму. В нижнем ряду вдавлений имеется несколько круглых отверстий диаметром 0,4 см. Под отверстиями располагается треугольный налепной валик шириной 0,4 см и толщиной 0,2 см (рис. 4-5). Другой фрагмент имеет прямой, скошенный наружу венчик, в 0,9 см ниже верхнего среза которого располагается ряд круглых вдавлений диаметром 0,3 см. Выше и ниже отверстий на поверхности сосуда имеются следы от двух отслоившихся валиков шириной 0,5 см. На нижней части сосуда фиксируются следы оттисков шнура (рис. 4-7).

На двух фрагментах керамики от тулова сеногдинских сосудов рыжего цвета хорошо прослеживаются оттиски шнура. Один из них украшен волнистым налепным валиком шириной 0,4 см (рис. 5-2). Другой фрагмент орнаментирован прямым горизонтальным валиком треугольным в сечении шириной 0,5 см и толщиной 0,3 см (рис. 5-3).

Об особенностях елгинской керамики с Байкальского VI можно судить по девяти фрагментам, вошедшим в коллекцию А.В. Вознесенского. Один из них относится к переходной форме от сеногдинских к елгинским сосудам. С сеногдинской керамикой его сближает округлый сужающийся кверху венчик, отогнутый наружу (рис. 5-1). По верхнему краю венчика нанесены наклонные овальные в сечении вдавления. К елгинским чертам относится прямой горизонтальный налепной валик шириной 0,8 см и толщиной 0,3 см, рассеченный вертикальными вдавлениями, овальными в сечении. Выше и ниже валика располагается по одному ряду круглых вдавлений диаметром 0,3 см. Другие фрагменты керамики уже не имеют следов сеногдинского влияния. Венчики у них прямые, слегка скошенные

наружу. Внешняя поверхность сосудов украшена прямыми горизонтальными валиками треугольными в сечении, шириной 0,6-0,7 см. Некоторые валики рассечены вертикальными (рис. 5-5), а некоторые наклонными (рис. 5-8, 10) вдавлениями, треугольными в сечении. Среди других орнаментов встречены торцевые вдавления овальной круглой палочки (рис. 5-6) и ряды дугообразных вдавлений, повернутых выгнутой частью вверх (рис. 5-7). Внешний край венчика одного сосуда орнаментирован дугообразными треугольными в сечении вдавлениями (рис. 5-11). Два фрагмента керамики украшены прочерченным криволинейным орнаментом, что позволяет их отнести к одной из разновидностей елгинской посуды — керамике сосновоостровского типа (Харинский, 2005). Тулово сосуда украшено закрытым зигзагообразным орнаментом. Примыкающие друг к другу орнаментальные элементы соединяются друг с другом верхним или нижним концом. Внутреннее пространство прочерченых элементов заполнено дугообразными вдавлениями. Их парные оттиски фиксируются и над участками стыковки прочерченных дугообразных элементов (рис. 5-4, 9).

Среди находок А.В. Вознесенского присутствуют и каменные изделия: клиновидный одноплощадочный нуклеус (рис. 4-10), заготовки шлифованных нефритовых изделий со следами пиления светло-зеленого (рис. 4-8), зеленого (рис. 4-9) и темно-зеленого цвета (рис. 4-11).

В 1963 г. в районе с. Байкальское работала археологическая экспедиция Иркутского государственного университета и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в составе П.П. Хороших, Л.П. Хлобыстина и студента Иркутского университета В. Аванесова. В ходе разведочных работ экспедицией осмотрена стоянка (Байкальское VI), расположенная в северо-восточной части поселка, за постройками гидрометеорологической станции, на террасе по дороге к «Камню», т.е. к мысу Лударь (Хороших, 1964).

«Площадь стоянки еще во второй половине XIX в. была распахана, в данное время эта пашня заброшена. ... При пахоте культурный слой на стоянке был сильно нарушен, поэтому место для разведочного раскопа не было выбрано. Все находки неолитической культуры и культуры бронзы были сделаны непосредственно на поверхности старой пашни. ...Наибольшее число находок древней культуры было обнаружено в северо-восточной части пашни, вблизи межевого знака» (Хороших, 1964: л. 1-2). На стоянке было найдено 15 фрагментов керамики елгинского типа. Венчики большинства из них украшены с наружной стороны налепами треугольной или четырехугольной формы. Среди орнаментов встречены дугообразные вдавления; валики, рассеченные поперечными вдавлениями; круглые вдавления и отверстия (Хороших, 1963; Хороших, 1964: табл. 8).

В 1978 г. работы на Северном Байкале проводит отряд археолого-этнографической экспедиции Института общественных наук БФ СО АН СССР (А.Д. Цыбиктаров и Л.В. Тиваненко) (Цыбиктаров, 1979; Тиваненко, 1979). Обследован участок побережья оз. Байкал от с. Байкальское до пос. Нижнеангарск, а также среднее течение р. Верхняя Ангара. В 120 м к востоку от с. Байкальское и в 200 м к югу от кладбища на 20-метровой террасе оз. Байкал на протяжении 60 м вдоль и в глубь берега собран подъемный материал. Археологический объект получил название поселение Байкальское I.

Для выявления особенностей стратиграфии и условий залегания археологического материала на поселении разбит шурф 1x1 м. Он располагался в 8 м к югу и 6 м к востоку от юго-западного угла вала, насыпанного по периметру площадки для ГСМ. Стратиграфия шурфа была представлена следующими отложениями:

Дерн	20-25 см
Песок желтого цвета с пятнами серого цвета	8-10 см
Песок черного цвета, содержавший уголь, керамику и кости	8-10 см
Прокаленный песок красно-розового цвета	5-10 см
Песок черного цвета с углями	3-4 см
Щебенка с галькой	ниже

«В шурфе на глубине 50 см в центре были обнаружены кости и под ними — фрагменты гладкостенной керамики, толщиной 8-10 мм, с внутренней стороны имеется нагар» (Цыбиктаров, 1979: л. 2).

В 1986 г. к работам в Северном Прибайкалье приступил Северобайкальский отряд Комплексной археологической экспедиции Иркутского го-

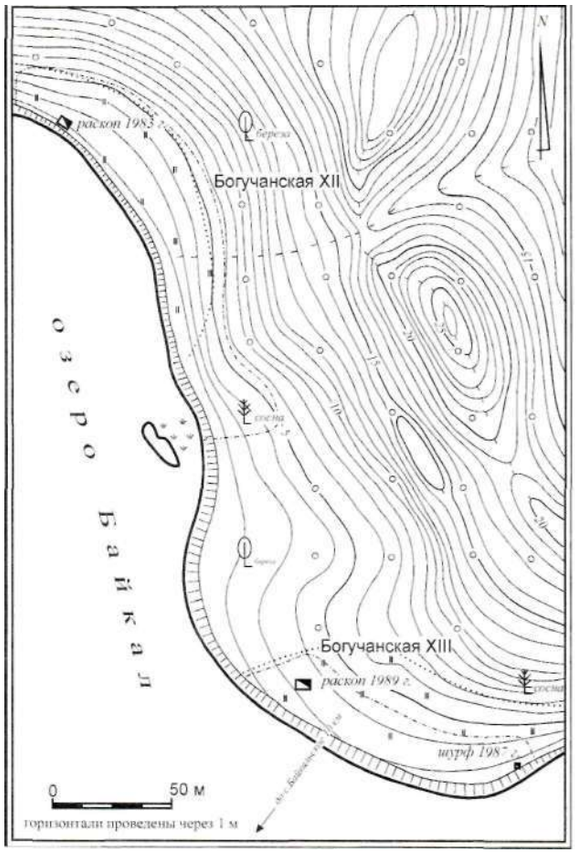

Рис. 7. Богучанская XIII

сударственного университета (руководители В.В. Свинин, А.В. Харинский) (Харинский, 1987; Абдулов и др., 1988). На стоянке Байкальское I (Байкальское VI) с площади 40000 кв. м. собран подъемный материал. Среди находок отщепы, в том числе со следами подработки (рис. 6-3), нуклеусы, шлифованный камень (рис. 6-5), кольцо из белого нефрита (рис. 6-6), керамика с оттисками сетки-плетенки, штрихов и шнура.

На стоянке заложено 6 шурфов 2х2 м, ориентированных стенками по сторонам света (рис. 2). Шурфы № 1-4 разбиты вдоль края обрыва, а шурфы № 5 и № 6 в глубине террасы, на расстоянии 45 м друг от друга. Стратиграфия шурфов № 1-3 схожая и представлена следующими отложениями:

Сверху вниз	мощность в м
1-Дерн	0,06-0,07
2. Серая супесь с тонкими прерывающимися прослойками гумуса	0,36-0,40
3. Светло-желтая (белесая) супесь	0,08-0,14
4. Темно-серая супесь	0,07-0,12
5. Светло-серая супесь	0,20-0,22
6. Светло-желтая (белесая) супесь	0,24-0,28
7. Серая супесь	0,14-0,18
8. Темно-серый песок	вскрыт на 0,12

В шурфе № 2 два нижних слоя не были вскрыты. Его общая глубина составила 0,95 м (рис. 6-8).

Археологический материал обнаружен лишь в трех из шести шурфов. В шурфах № 1 и 3 находки залегали на глубине около 50 см в прослойке темно-серой супеси и были представлены углем, фрагментами кости, отщепами, 6 пластинками, обломанным наконечником стрелы (рис. 6-2) и концевым скребком (рис. 6-6). В шурфе № 1 найдены фрагменты сосуда северобайкальского типа (рис. 6-1). Венчик сосуда прямой, украшен с наружной стороны рядом наклонных прямых вдавлений лопаточки. В 7 мм ниже верхнего края венчика друг под другом располагаются три горизонтальных налепных валика треугольных в сечении. Ширина валиков 10 мм, толщина 4 мм. Валики рассечены вертикальными вдавлениями лопаточки с угловым вырезом посредине. В шурфе № 2 археологический материал обнаружен в слое серой супеси на глубине 1,10-1,25 м. Среди находок уголь, кости животных, фрагмент гладкостенной керамики.

К настоящему времени на стоянке Байкальское VI проведены незначительные по своему объему земляные работы. Подобное отношение к памятнику на котором многие исследователи проводили сборы подъемного археологического материала было обусловлено его частичным разрушением в ходе распашки. Имеющиеся к настоящему времени данные позволяют датировать стоянку 3 тыс. до н.э. — серединой 1 тыс. н.э. На ней фиксируется керамика, которую по морфологическим, технологическим и орнаментальным признакам можно распределить по четырем типам: посольская, северобайкальская, сеногдинская и елгинская. Также выделяется еще один тип керамики, широко распространенный в Прибайкалье в бронзовом веке, но пока не получивший конкретного названия. Он представлен гладкостенными сосудами с округлым дном. Среди орнаментов преобладают вдавления, выполнен-

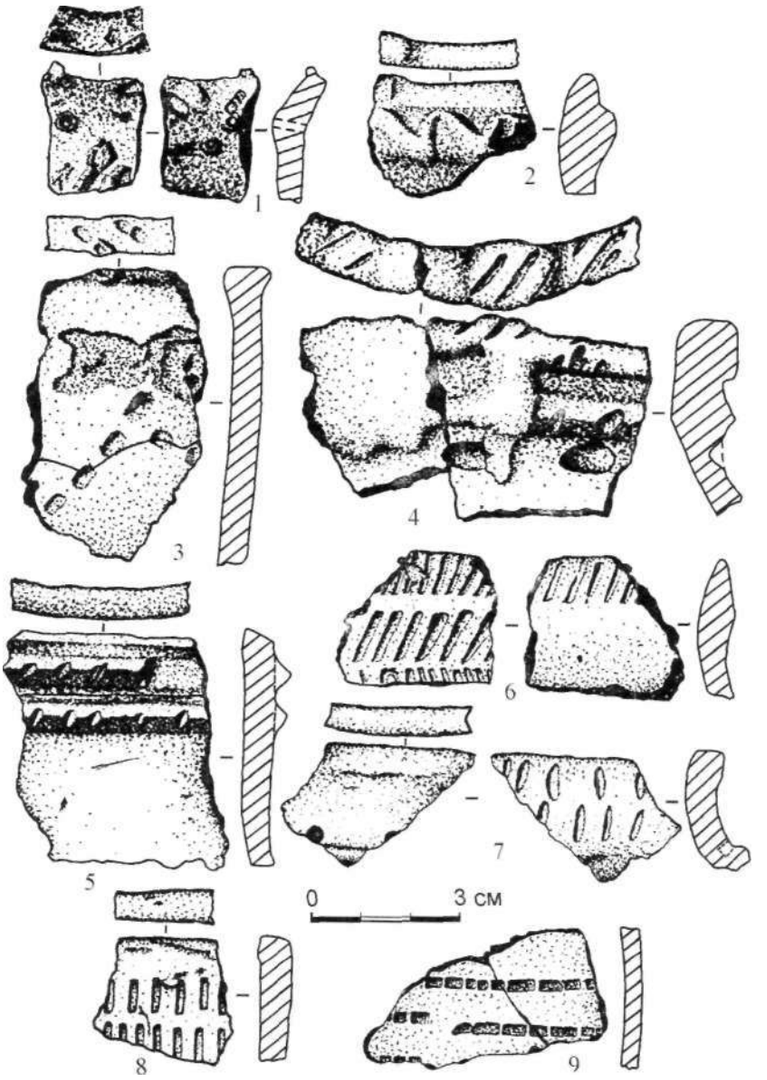

Рис. 8. Богучанская XIII керамика, подъемные сборы Ю.П. Лыхина (Лыхин, 2003)

ные лопаточкой прямоугольной формы, или круглые вдавления, нанесенные с внутренней (жемчужины) или внешней стороны сосуда. Подобная керамика широко представлена на памятниках глазковской культуры Прибайкалья, поэтому ее предлагается назвать глазковской.

Благодаря шурфовочным работам 1978 и 1986 гг. удалось определить площадь стоянки, на которой фиксируется не разрушенный перепашкой культурный слой. Его размеры 30х120 м. Археологический материал, представленный керамикой северобайкальского типа и изделиями из камня, залегает в прослойке темно-серой супеси на глубине около 50 см. В шурфе *№ 2* на глубине 1,10-1,25 см удалось обнаружить еще один культурный слой, но в нем был зафиксирован только один фрагмент гладкостенной керамики, датировать который не представлялось возможным. Если слой с керамикой северобайкальского типа датируется ранним бронзовым веком, то распо-

ложенныи ниже него второй культурный слои, возможно, соотнести с эпохой неолита. Более детальных культурно-хронологических построений на материалах стоянки Байкальское VI к настоящему времени пока провести невозможно.

Богучанская XIII

Памятник находится на северном берегу Богучанской губы, в 10 км к ССВ от с. Байкальское, на южной оконечности мыса Тонкий, в 100 м к юго-востоку от стоянки Богучанская XII, на береговом склоне высотой 2-4 м (рис. 7). С юга и юга-запада склон оканчивается 2-3 м обрывом, спускающимся к Байкалу. Поверхность стоянки свободна от леса. К северо-востоку от нее располагается несколько скальных останцов, территория вокруг которых покрыта сосновым лесом.

В 1983 г. Северобайкальским отрядом КАЭ ИГУ (начальник Ю.П. Лыхин) проводилось археологическое обследование трассы строящейся автодороги Тыя — Байкальское (Лыхин, 1984; 2003). Кроме работ на трассе, Ю.П. Лыхиным осмотрено побережье оз. Байкал от мыса Писаный Камень до мыса Тонкий. В ходе разведочных работ на южной оконечности мыса Тонкий, в 120 м от Богучанской XII выявлено местонахождение Богучанская **XIII.** Археологический материал собран в береговых обнажениях высотой 1,5-2 м на протяжении 100-200 м. Общее количество находок — 104 экз., в том числе: 1 — аморфный слиток металла, 5 — железных шлаков, 64 — керамики, 27 — камня, 7 — неопределимой кости. На местонахождении представлена гладкостенная (49 фр.), сетчатая (9 фр.) и шнуровая керамика (7 фр.).

Среди гладкостенной керамики выделяются несколько групп, отличающихся друг от друга по технологическим, морфологическим и орнаментальным признакам. В первую группу можно объединить керамику, характеризующуюся плохим качеством теста, вследствие чего с поверхности сосудов отслаиваются слои обожженной гли-

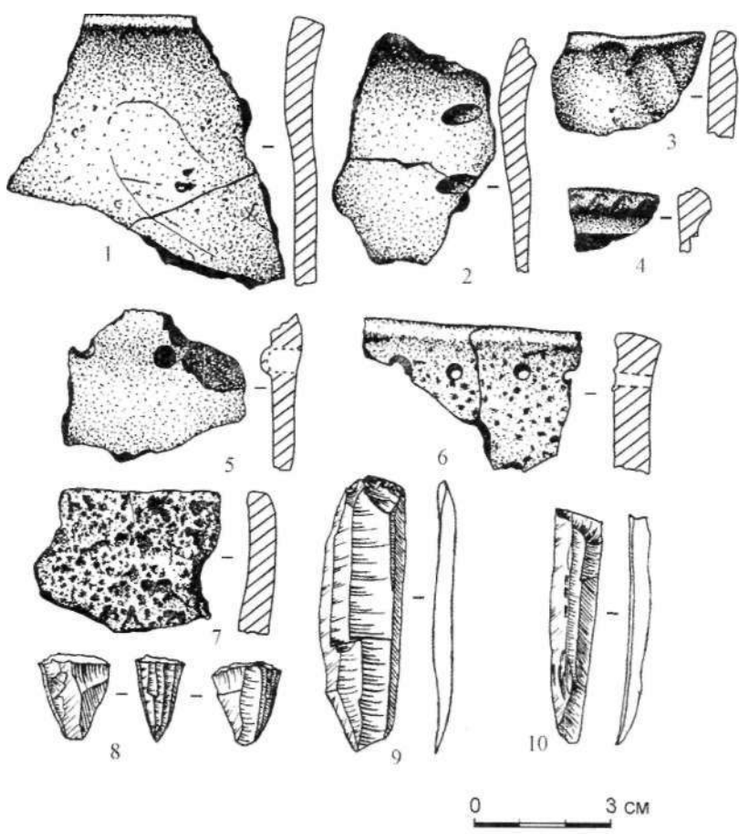

Рис. 9. Богучанская XIII, подъемные сборы Ю.П. Лыхина (Лыхин, 2003). 1-7 — керамика, 8-10 — камень

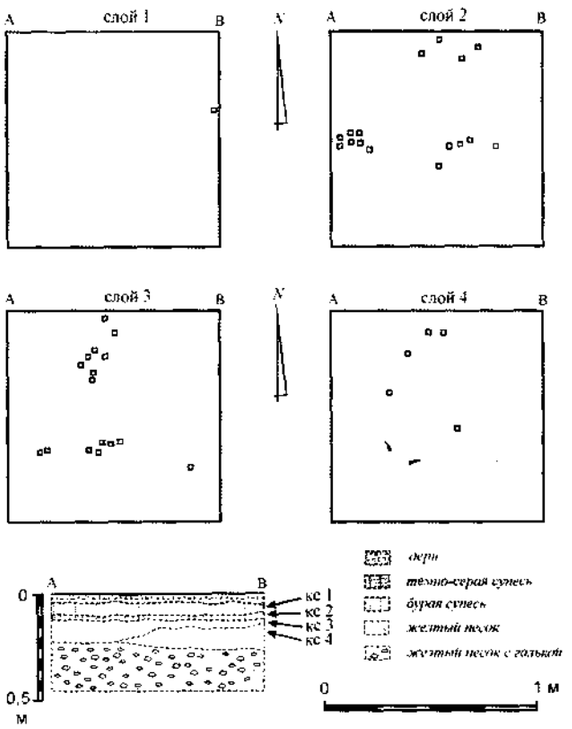

Рис. 10. Богучанская XIII, шурф 1997 г.

ны. Среди венчиков сосудов встречены отогнутые наружу с прямой верхней поверхностью (рис. 8-1), прямые грибовидной формы (рис. 8-3), прямые «воротничкового типа», с овальной верхней поверхностью (рис. 8-4). Они орнаментированы гребенчатыми вдавлениями, располагающимися наклонными рядами по тулову и венчику сосудов (рис. 8-1, 3), прямыми наклонными вдавлениями, идущими по верхней поверхности сосудов, треугольным валиком, рассеченным овальными вдавлениями, и пояском овальных ямочек (рис. 8-4).

Во вторую группу объединяются два фрагмента сосудов. Один из них приостренной формы, орнаментированный тремя рядами наклонных прямоугольных вдавлений по внешнему борту и одним рядом — по внутреннему (рис. 8-6). Другой фрагмент орнаментирован двумя рядами прямоугольных вдавлений, располагающихся вертикально (рис. 8-8).

Третья группа включает фрагмент венчика внешнеасимметричной приостренной формы без орнамента (рис. 9-1); фрагмент керамики, украшенный овальными вдавлениями (рис. 9-2); фрагмент венчика овальной формы без орнамента (рис. 9-3); фрагменты керамики, орнаментированные рассеченными налепными валиками (рис. 16-4); фрагмент керамики, орнаментированный пояском круглых вдавлений (рис. 9-5).

Особняком находится несколько фрагментов керамики, характеризующиеся определенной индивидуальностью в декоре: фрагмент венчика, орнаментированный толстым налепным валиком, деформированным пальцевыми вдавлениями (рис. 8-2); фрагмент венчика внешнеасимметричной приостренной формы, орнаментированный двумя горизонтальными налепными валиками, треугольными в разрезе, валики рассечены наклонными вдавлениями овальной формы (рис. 8-5); фрагмент венчика прямой формы, орнаментированный пояском круглых вдавлений по внешнему борту и рядами ногтевых вдавлений — по внутреннему (возможно, это поддон) (рис. 8-7); фрагменты керамики, орнаментированные горизонтальными линиями гребенчатых оттисков (рис. 8-9).

Керамика с оттисками сетки-плетенки включает остатки от двух сосудов. Один из них с венчиком внешнеасимметричной приостренной формы, орнаментированный пояском сквозных отверстий (рис. 9-6), другой с венчиком овальной формы без орнамента (рис. 9-7).

Каменный инвентарь представлен: одноплощадным монофронтальным нуклеусом (рис. 19-8), сколом с фронта нуклеуса (рис. 9-9), вторичным сколом (рис. 9-10), сегментами призматических пластин, угловым резцом на пластине и отщепами.

В 1987 г. стоянки Богучанская XII и Богучанская XIII обследованы археологическим отрядом Иркутского университета под руководством А.В. Харинского (Харинский, 1988). На обеих стоянках в береговых обнажениях собран подъемный материал и произведена инструментальная топосъемка. Среди керамики, обнаруженной на Богучанской XIII, имеются фрагменты, украшенные ромбическими (вафельными) оттисками (рис. 11-5), круглыми (рис. 11-7) и четырехугольными вдавлениями (рис. 11-9). Один из фрагментов керамики украшен двумя горизонтальными налепными валиками, треугольными в сечении (рис. 11-8).

В целях выяснения стратиграфии памятника и расположения культурных слоев в самой юж-

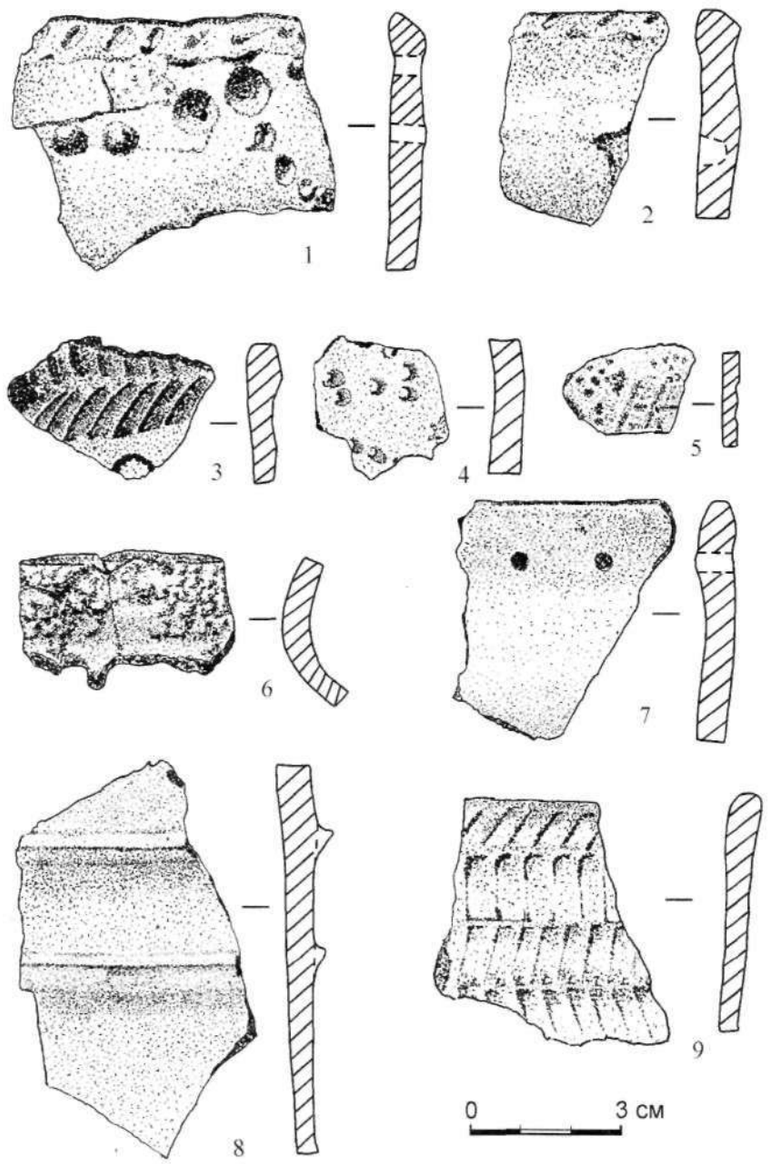

Рис. 11. Богучанская XIII, 1987 г., керамика, 1-4, 6 — шурф 1987 г.: 4 — 1-й культурный слой; 1-3 — 2-й культурный слой; 6 — 4-й культурный слой; 5, 7-9 — подъемный материал

ной части мыса Тонкий в береговом обнажении сделана врезка 1x1 м (рис. 7) (Рыков, 1989; 1991). Стенки врезки ориентированы по сторонам света. Стратиграфия отложений в шурфе дана по северной стенке (рис. 10).

Сверху вниз	мощность в м
1. Дерн	0,04 — 0,06
2. Бурая супесь	0,03 — 0,06
3. Погребенная почва	0,02 — 0,03
4. Бурая супесь	0,02 — 0,10
5. Оранжево-желтый песок	0,00— 1,12
6. Желтый песок с галькой	вскрыт до 0,23

В шурфе выделено 4 культурных слоя: 1 — залегает сразу же под дерном; 2 — в прослойке по-

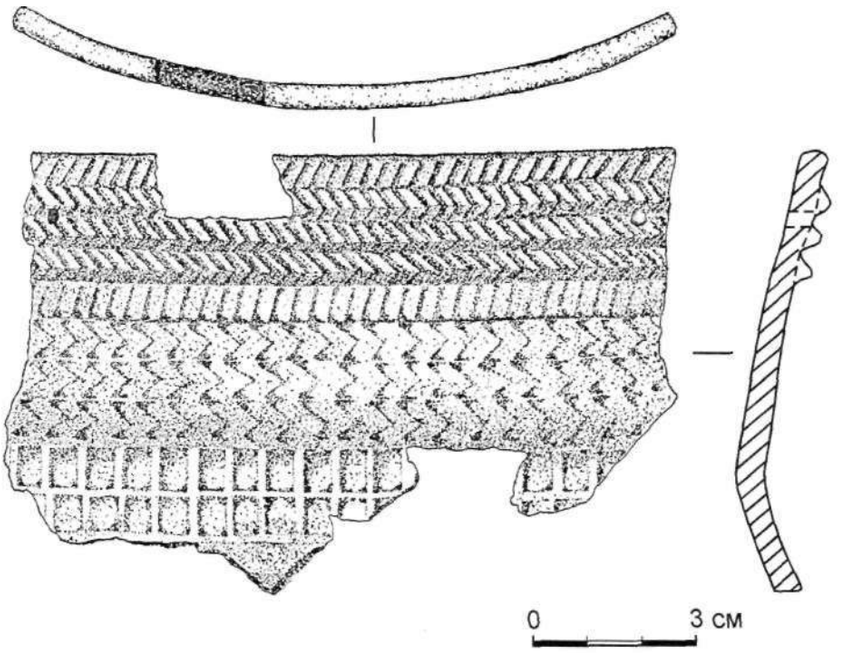

Рис. 12. Богучанская XIII, шурф 1987 г., 3-й культурный слой, керамика

гребенной почвы; 3 — на границе бурой супеси и мелкозернистого желтого песка; 4 — в слое желтого песка.

1-й культурный слой. Найден фрагмент гладкостенной керамики, орнаментированный несколькими мелкими дугообразными вдавлениями (рис. 10; рис. 11-4).

2-й ***культурный*** *слой.* Обнаружено 16 фрагментов гладкостенной керамики (рис. 10), из них 3 орнаментированы. Венчик сосудов прямой, внешнеасимметричной приостренной формы, украшенный сверху овальными вдавлениями. С внешней и внутренней сторон сосуд орнаментирован круглыми вдавлениями и отверстиями. Тесто фрагмента некачественное, с отслаивающимися кусками (рис. 11-1, 2). Один из фрагментов керамики по технологическим и орнаментальным показателям отличается от двух других. Он украшен наклонными четырехугольными вдавлениями, образующими горизонтальные ряды. Под нижним из рядов имеется круглое кольцевое вдавление (рис. **11-3).**

3-й культурный слой. Найдено 24 фрагмента гладкостенной керамики от сосуда северобайкальского типа (рис. 10; рис. 12). Его устье отогнуто наружу. Венчик овальной формы. В верхней части сосуд орнаментирован рядом наклонных прямоугольных вдавлений лопаточки. В 8 мм ниже верхнего края венчика друг под другом располагаются три горизонтальных налепных валика треугольных в сечении. Ширина валиков 8 мм, толщина 4 мм. Валики рассечены вертикальными вдавлениями лопаточки с угловым вырезом посредине. Под валиками располагается ряд прямоугольных наклонных вдавлений лопаточки, ниже которого находятся три ряда вдавлений лопаточки с угловым вырезом посредине. Верхняя часть тулова сосуда украшена двумя рядами, вертикально расположенных, прямоугольных вдавлений штампа. Между первым и вторым рядами налепных валиков в стенах сосуда сделано несколько сквозных отверстий.

4-й культурный слой. Обнаружено 4 фрагмента керамики с оттисками сетки-плетенки (рис. 10), два из которых часть устья сосуда, сильно отогнутого наружу (рис. 11-6). Венчик прямой. В районе шейки в стенке сосуда сделано сквозное отверстие. Каменный инвентарь малочислен, представлен двумя кремневыми отщепами.

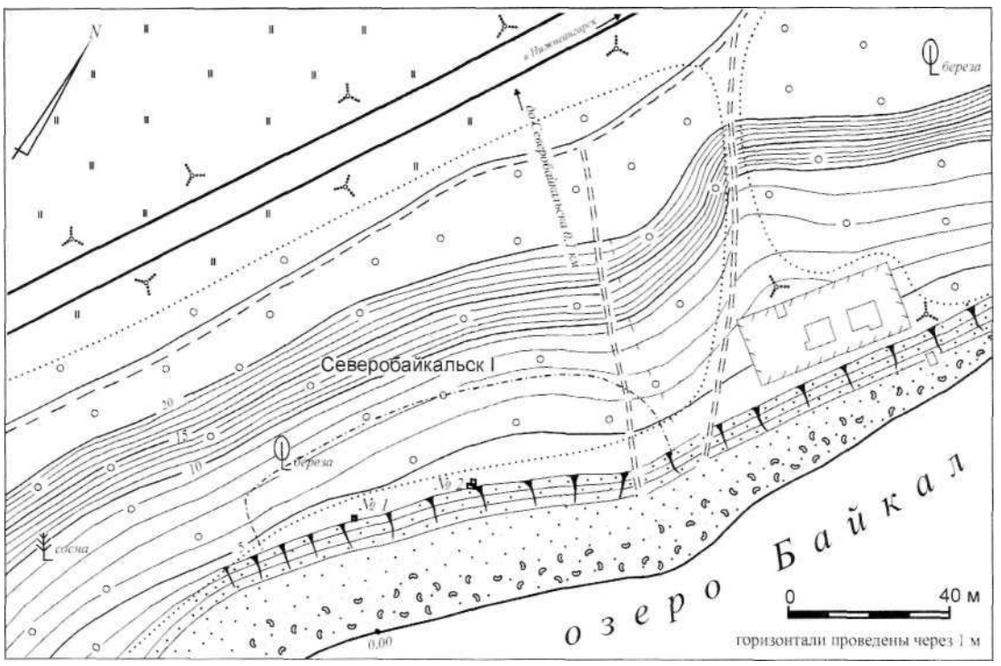

Рис. 13. Северобайкальск I

Рекогносцировочные земляные работы, предпринятые на Богучанской XIII, позволили соотнести между собой различные керамические типы, встречающиеся на северо-западном побережье оз. Байкал. Керамика северобайкальского типа обнаружена в 3-м культурном слое, выше, чем керамика с оттисками сетки-плетенки. Поэтому ее следует относить к более позднему времени. Над керамикой северобайкальского типа, во 2-м культурном слое залегала керамика глазковского типа (рис. 11-3), что позволяет датировать ее более поздним временем. Встреченная вместе с ней керамика с рыхлым составом теста и украшенная круглыми и овальными вдавлениями находится особняком от остальных керамических типов. К этой группе керамики можно отнести и три фрагмента, найденных Ю.П. Лыхиным (рис. 8-1, 3, 4). Судя по ее орнаментальным особенностям и расположению во втором культурном слое, эту керамическую группу предварительно можно датировать второй половиной I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. Найденный в 1 культурном слое фрагмент керамики, украшенный мелкими дугообразными оттисками, пока не имеет аналогий. Но, судя по его расположению в толще земли, может быть отнесен к I — началу II тыс. н.э.

СеверобайкальскI

Стоянка Северобайкальск I расположена в 400 м к югу от пристани Курла на выположенном террасовидном склоне шириной 20-35 м и высотой 4 м, в 20-30 м от береговой линии Байкала (рис. 13). С северо-западной стороны склон примыкает к 20-метровой террасе, по которой проложена автодорога Северобайкальск — Нижнеангарск. С севера террасовидный склон ограничен небольшим распадком, в устьевой части которого в 90-х гг. прошлого века стояло два деревянных дома. В настоящее время построек вблизи территории стоянки нет. Склон порос смешанным сосново-березовым лесом.

Стоянка открыта в 1978 г. отрядом археолого-этнографической экспедиции Института общественных наук БФ СО АН СССР (А.Д.Цыбиктаров и Л.В.Тиваненко) (Цыбиктаров, 1979; Тиваненко, 1979). В 450-500 м к юго-западу от порта Курлы на террасе высотой около 2,5-3,0 м исследователи собрали фрагменты керамики, залегавшие в су-

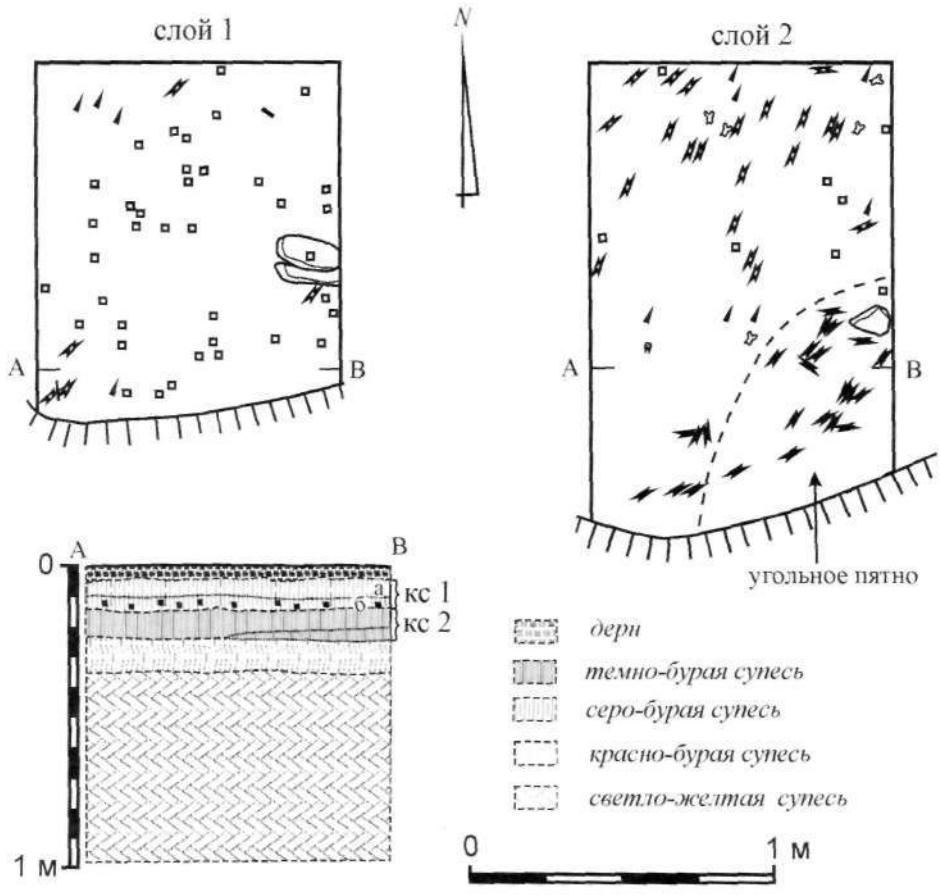

Рис. 14. Северобайкальск I, шурф 1

песи розово-красного цвета. В результате зачистки берегового обрыва в районе находки керамики ими зафиксирована следующая стратиграфия (Цыбиктаров, 1979: л. 7):

Сверху вниз	мощность в м
Гумус	5 см
Супесь розовато-красного цвета	15-30 см
Супесь желтого цвета	ниже

В1989 г. стоянка Северобайкальск I осмотрена археологическим отрядом ИГУ (А.В.Харинский, Г.К.Рыков, Н.Н.Бояринцева). В обнажениях берегового обрыва на протяжении 120 м собран археологический материал (Рыков, 1991а). В местах наибольшей его концентрации были заложено два шурфа, ориентированные стенками по сторонам света. Шурфы располагались у края обрыва на расстоянии 27 м друг от друга (рис. 13). Западный из шурфов получил № 1. Первоначально его размеры составляли 1х1 м. По мере выборки земли его площадь увеличилась в сторону обрыва на 0,5 м (рис. 14). Во время закладки шурфа № 2, его размеры составляли 2 кв. м, но по мери его углубления, площадь увеличилась до 3 кв. м (рис. 15).

Шурф 1. Стратиграфический разрез на месте шурфа № 1 представлен следующими отложениями:

Сверху вниз	мощность в м
1. Дерн	0,03-0,05
2. Серо-бурая супесь (нижняя часть слоя (уровень «б») мощностью 4-5 см имеет следы прокала и насыщена углем)	0,09-0,11
3. Темно-бурая супесь со следами прокала	0,09-0,11
4. Красно-бурая супесь	0,10-0,12
5. Светло-желтая супесь	вскрыта до 0,6

Находки отмечены во 2-м геологическом (1-й культурный слой) и 3-м геологическом слое (2-й культурный слой).

1-й культурный сдой. Слой серо-бурой супе-

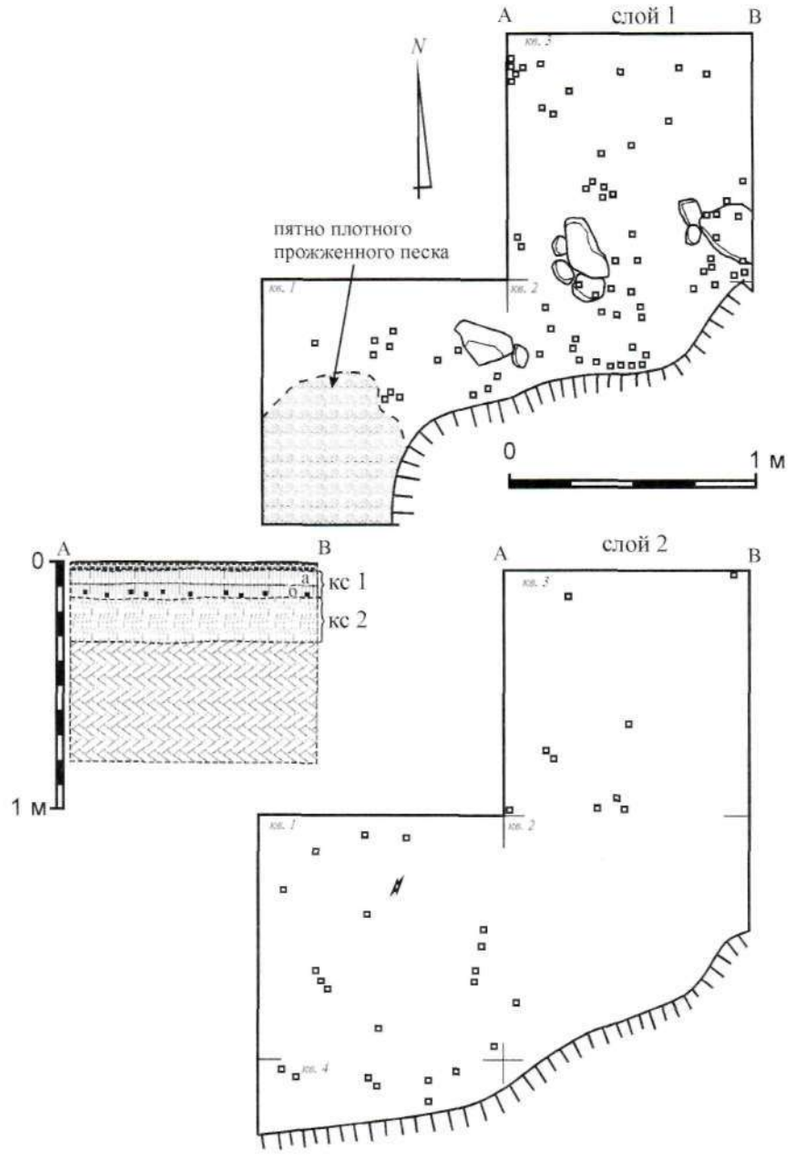

Рис. 15. Северобайкальск I, шурф 2

си можно разделить на два уровня «а» и «б» (рис. 14). Уровень «б» характеризуется наличием следов прокала и насыщенностью углем. В верхней части слоя (глубина до 10 см) обнаружены три кремневых отщепа и пластинка, а также 7 фрагментов гладкостенной керамики без следов орнаментации. К сожалению, обнаруженный на уровне «а» археологический материал не может диагностировать культурно-хронологическую принадлежность находок. Археологический материал уровня «б» (глубина до 15 см) залегал равномерно по всей поверхности шурфа. В нем обнаружено пять фрагментов костей животных, кремневый отщеп с однокраевой вентральной ретушью по правому маргиналу (рис. 18-2) и двадцать семь фрагментов гладкостенной керамики

Три фрагмента керамики покрыты орнаментом. На одном из них отмечен ряд наклонных вдавлений, выполненных лопаточкой с округлым краем, имеющей поперечное гофрирование (рис. 18-7). Два других фрагмента представлены верхней частью сосудов с округлым туловом и

невыраженным устьем. Венчики внешнеасимметричной приостренной формы. Снаружи поверхность одного из сосудов орнаментирована тремя горизонтальными рядами наклонных оттисков четырехугольного штампа. Между первым и вторым рядами вдавлений располагается поясок «жемчужин». Диаметр венчика сосуда 16 см, толщина стенок в верхней части сосуда 9 мм, средней части — 4 мм (рис. 18-1). По внешнему краю венчика другого сосуда нанесен ряд овальных двузубых вдавлений. Ниже них располагается поясок «жемчужин», под которым находятся три горизонтальных валика, рассеченных рядом овальных двузубых вдавлений (рис. 18-6).

2-й культурный слой. Во втором культурном слое обнаружено семь кремневых отщепов, сорок семь фрагментов костей животных, двадцать пять из которых обожжены, и семь неорнаментированных фрагментов гладкостенной керамики (рис. 14). В юго-восточной части шурфа зафиксировано угольное пятно мощностью до 10 см. Вскрыта только его северо-западная часть. Большая часть пятна разрушилась в результате склоновых процессов. В районе пятна и была зафиксирована концентрация обожженных костей.

Шурф 2. Стратиграфический разрез на месте шурфа № 2 представлен следующими отложениями (рис. 15):

Сверху вниз	мощность в м
1.Дерн	0,03-0,05
2. Серо-бурая супесь (нижняя часть слоя (уровень «б») мощностью 6-7 см имеет следы прокала и насыщена углем)	0,09-0,11
3. Красно-бурая супесь	0,15-0,17
4. Светло-желтая	вскрыта до 0,5

Находки отмечены во 2-м геологическом (1-й культурный слой) и 3-м геологическом слое (2-й культурный слой). В районе шурфа 2 слой темно-бурой супеси не фиксируется. Так как генезис его до конца не ясен, то однозначно сопоставлять его с какими-либо стратами шурфа № 2 затруднительно. Хотя не исключено, что темную окраску слою придала большая концентрация в нем угля и его можно сопоставить с кровлей красно-бурой супеси, поменявшей свой цвет в результате интенсивного антропогенного воздействия. Прояснить этот вопрос помогут дальнейшие раскопки на стоянке Северобайкальск I. Пока же находки из слоя красно-бурой супеси также отнесены ко 2-му культурному слою, как и находки из слоя темно-бурой супеси шурфа № 1. Типологически сравнить их друг с другом затруднительно, так как во втором слое шурфа № 1 нет четко диагностируемых по культурно-хронологическим параметрам артефактов.

1-й культурный слой. Слой серо-бурой супеси, как и в шурфе № 1, можно разделить на два уровня «а» и «б» (рис. 15). Уровень «б» характеризуется наличием следов прокала и насыщенностью углем. В верхней части слоя (глубина до 6 см) зафиксировано 18 предметов. Из них: фрагменты керамики — 17; остатки фауны — 1. В юго-западной части шурфа на глубине 3 см обнаружено пятно плотного прожженного песка толщиной 2 см.

На уровне «а» серо-бурой супеси обнаружены остатки семи гладкостенных сосудов. У одного из них удалось реконструировать большую часть вертикального профиля (рис. 16-1, 2). Сосуд имеет слегка отогнутое наружу устье и слабо расширяющееся тулово. Устье утолщено дополнительным налепом. Венчик приостренный, занимает вертикальное положение. Устье сосуда украшено двумя горизонтальными треугольными в сечении валиками, толщиной 2 мм и шириной 5 мм. Между валиками идет ряд круглых вдавлений, часть из которых сквозные. Тулово горшка украшено тремя рядами валиков, идентичных расположенным на устье, между двух из них находится отверстие диаметром 1,8 см.

Венчик другого сосуда прямой. С внешней стороны имеет налеп треугольной формы, который рассекают вертикальные вдавления. Они выполнены треугольной в сечении палочкой. В 17 мм ниже края венчика располагается круглое отверстие диаметром 3 мм (рис. 16-5). От одного из сосудов сохранился только фрагмент шейки (экстремали). По ней на расстоянии 2 мм друг от друга проходят две горизонтальные прочерченные линии (рис. 16-9). У четвертого сосуда венчик приостренной формы, внешнеассиметричный, по верхнему краю декорирован пальцевыми вдавлениями. Внешний край венчика украшен треугольным в сечении налепом. Под ним располагается поясок круглых вдавлений диаметром 4 мм (рис. 16-12).

Пятый сосуд имеет четко выраженное отогнутое наружу устье. Венчик приостренной,

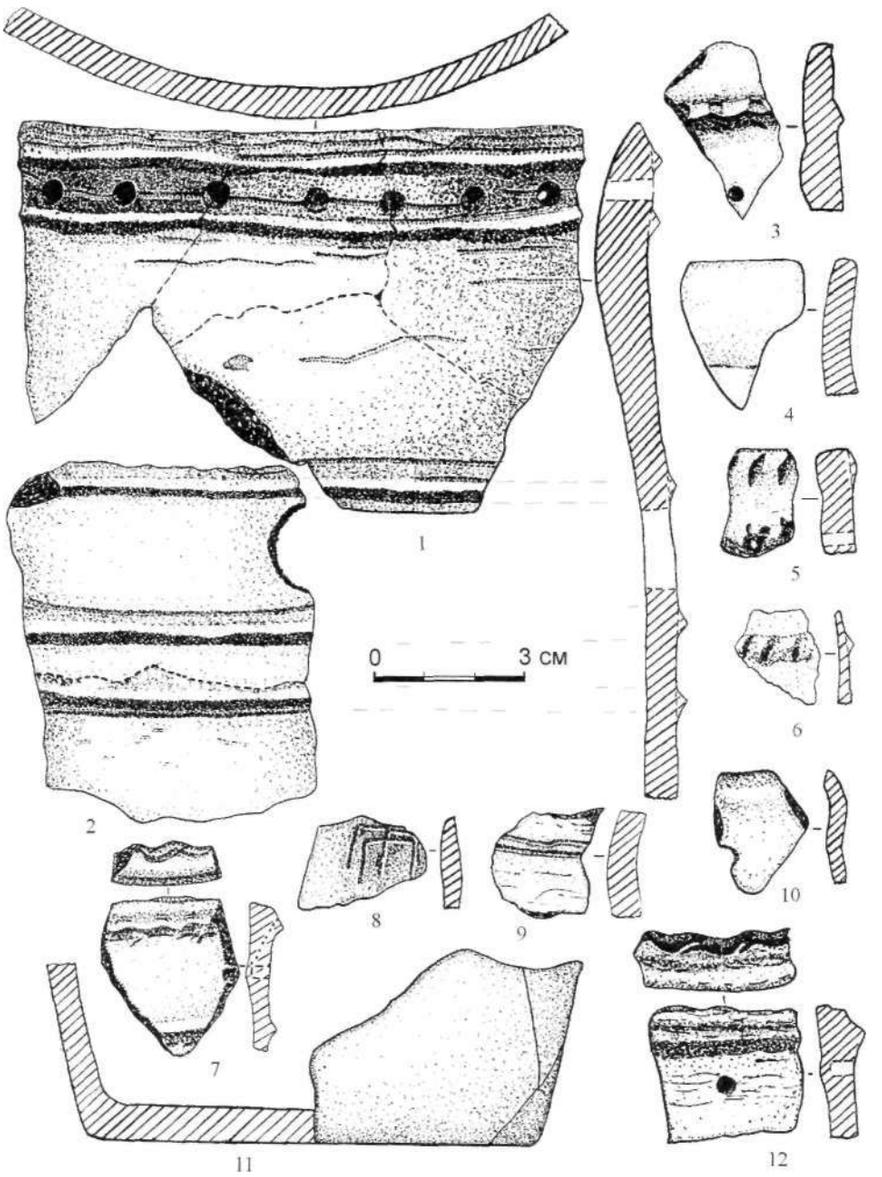

Рис. 16. Северобайкальск I, керамика: 1, 2, 5, 9, 12 — шурф 2, 1-й слой, уровень «а»; 3, 4, 6-8, 10, 11 — подъемный материал

внешнеасимметричной формы. Шейка сосуда декорирована горизонтальным пояском круглых вдавлений диаметром 4 мм (рис. 17-5). Фрагменты шестого и седьмого сосудов не орнаментированы. Они имеют прямой отогнутый наружу венчик (рис. 17-6, 8).

Почти вся керамика уровня «б» гладкостенная (16 экз.), исключение составляет один фрагмент с оттисками шнура, 10 — фрагментов керамики без орнамента. В уровне «б» обнаружен один венчик сосуда. Он овальной формы. В 1 см от его края располагается горизонтальный валик, деформированный пальцевыми вдавлениями снизу и сверху, в результате которых он приобрел волнистую форму (рис. 17-2). Вероятно, к этому же сосуду относится и фрагмент тулова, украшенного горизонтальным налепным валиком, деформированным пальцевыми вдавления-

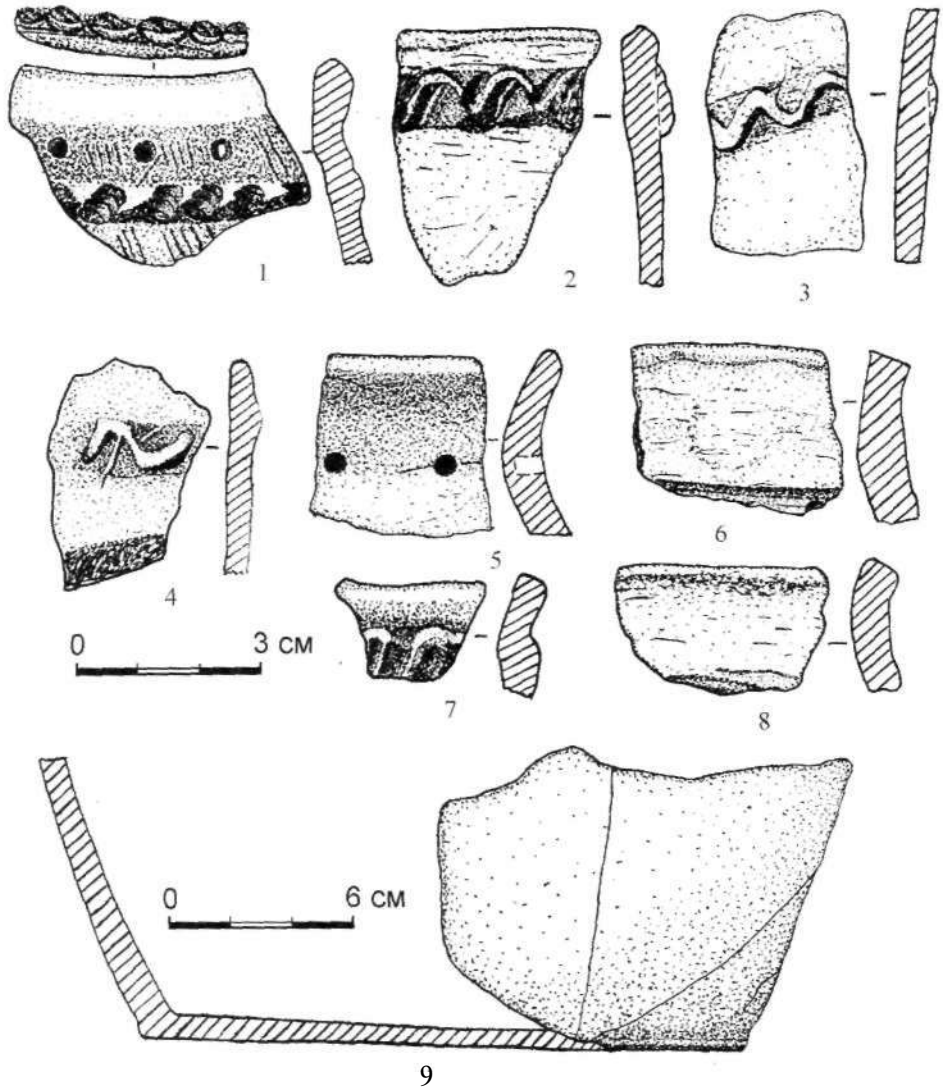

Рис. 17, Северобайкалъск I, керамика: 5, 6, 8 — шурф 2, 1-й слой, уровень «а»; 2, 3 — шурф 2, 1-й слой, уровень «б»; 1, 4, 7, 9, 12 — подъемный материал

ми с двух сторон, в результате которых он приобрел волнистую форму (рис. 17-3).

2-й культурный слой. Находки располагаются равномерно по слою красно-бурой супеси, они включают 1 кусок кости, 30 фрагментов керамики. Из части осколков керамики удалось реконструировать верхнюю часть сосуда северобайкальского типа с прямым устьем и слегка расширяющимся туловом (рис. 19). Венчик овальный. С внешней стороны устье сосуда орнаментировано пятью расположенными друг под другом валиками треугольными в сечении. Толщина валиков 2 мм, ширина верхнего из них 8 мм, остальных 5-6 мм. Валики рассечены вертикальными вдавлениями лопаточки с угловым вырезом в центре. Между вторым и третьим валиками расположено круглое коническое отверстие, возможно, предназначенное для подвешивания сосуда.

Верхняя часть тулова сосуда орнаментирована пятью прочерченными горизонтальными линиями. Они рассечены расположенными на расстоянии 2,5 см друг от друга, наклонными прочерченными линиями. По средней части тулова идут два ряда остроугольных вдавлений отступающей лопаточки. Ниже них находится ряд торцевых вдавлений прямой лопаточки, расположенных под углом друг к другу, в результате чего образуется зигзагообразный орнамент. Под

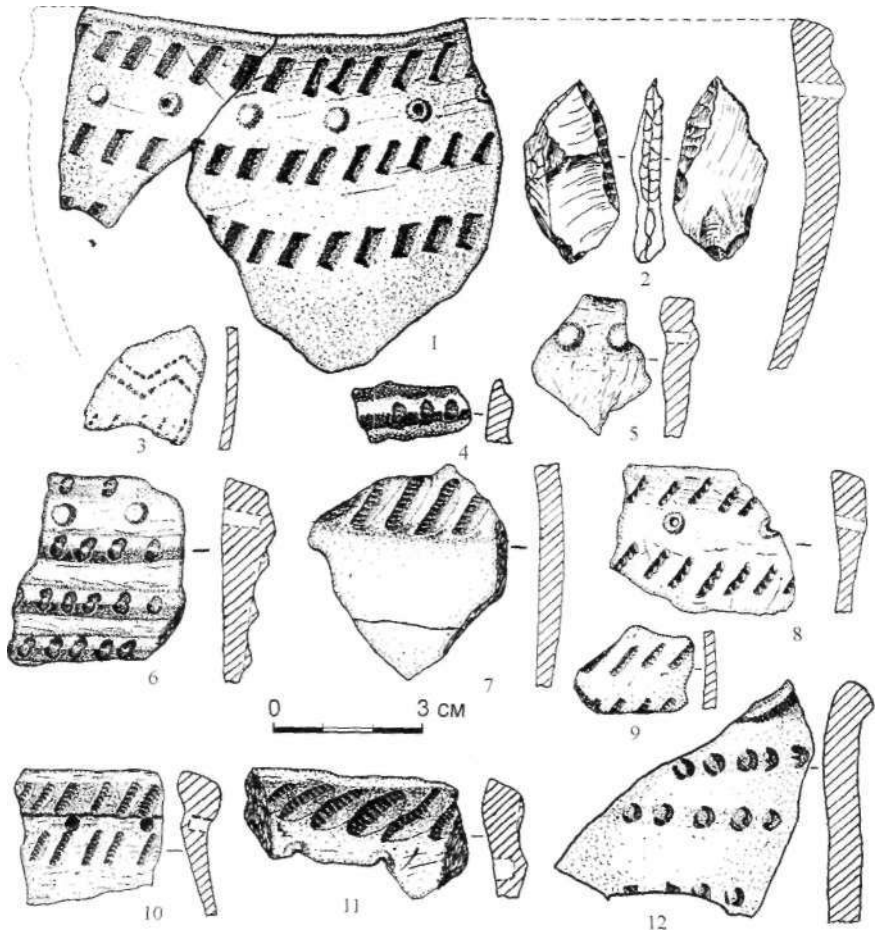

Рис. 18. Северобайкальск I: 1,6, 7 — шурф 1,1-й слой, уровень «б»; 2-5, 8-12 — подъемный материал. 1, 3-12 — керамика, 2 — камень

ним находится составной орнамент, выполненный с помощью вдавлений прямой лопаточки. Он состоит из одной вертикальной и двух расположенных под утлом к ней более коротких линий. Орнамент напоминает антропоморфные или зооморфные изображения и условно назван «птичкой» (рис. 19-4).

Основываясь на морфологических особенностях керамики и месте ее залегания в толще рыхлых отложений стоянки Северобайкальск I, весь обнаруженный археологический материал можно разделить на четыре группы.

1. Гладкостенные сосуды с прямым или слегка отогнутым наружу устьем (рис. 16-1, 2, 12). Венчик прямой или приостренный внешнеасимметричный. Зачастую венчик с наружной стороны сосуда украшен налепом треугольной форм. Поверхность горшка орнаментирована горизонтальными, треугольными в сечении валиками. Их ширина 4-5 мм, толщина 2 мм, поэтому их можно отнести к категории тонких валиков. Валики не рассечены. Среди других орнаментов следует отметить круглые вдавления или отверстия, образующие горизонтальный ряд. У некоторых сосудов венчик деформирован пальцевыми вдавлениями. К этой же группе предварительно можно отнести и сосуды без орнамента или украшенные круглыми вдавлениями (рис. 17-5, 6 , 8). Керамика этой группы залегала в верхней части слоя серо-бурой супеси (уровень «а»), на глубине 4-5 см.

Среди подъемного материала, обнаруженного на стоянке Северобайкальск I, к этой же группе можно отнести остатки плоского дна от двух сосудов (рис. 16-11; рис. 17-9) и венчик, украшенный треугольным налепным валиком и круглыми вдавлениями (рис. 16-7). Ряд фрагментов гладкостенной керамики, не имеющих отчетливых диа-

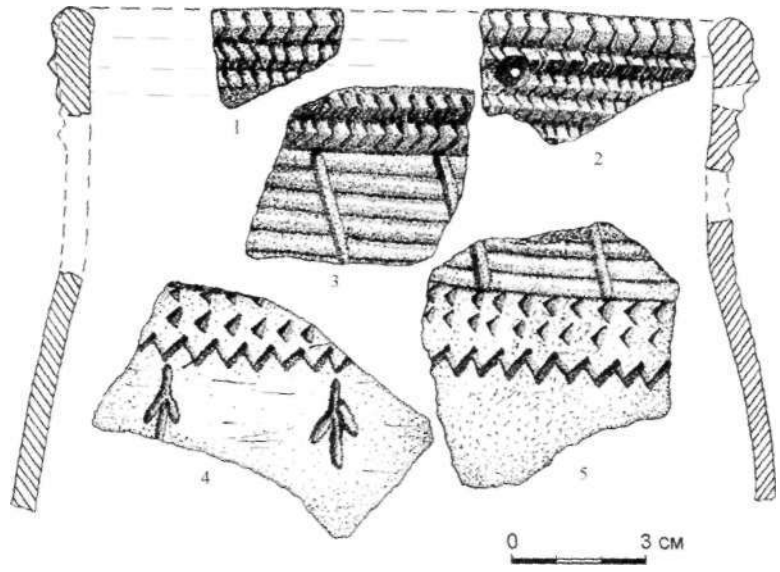

Рис. 19. Северобайкальск I, шурф 2, 2 слой, керамика

гностических показателей из-за своих небольших размеров, также отнесен к первой группе сосудов (рис. 16-4,8-10).

2. Гладкостенные сосуды с округлым венчиком, украшенные треугольным налепным валиком. Благодаря чередующимся пальцевым вдавлениям снизу и сверху валика, последний приобрел волнистую форму (рис. 17-2, 3). Керамика этой группы залегала в нижней части слоя серо-бурой супеси (уровень «б»), на глубине 11-15 см. К этой же группе можно отнести два фрагмента керамики, найденных в обнажении берега. Оба фрагмента украшены деформированными в результате пальцевых вдавлений валиками (рис. 17-4, 7).

3. Сосуды без устья с приостренный внешнеассиметричным венчиком. Верхняя часть сосуда орнаментирована горизонтальными рядами наклонных четырехугольных вдавлений лопаточки, между которыми нанесен ряд позитивных или негативных («жемчужины») круглых вдавлений. В некоторых случаях вдавления отступающей лопаточки имеют поперечные перемычки (поперечное гофрирование) (рис. 18-1). Часть керамики из подъемного материала также можно отнести к этой группе (рис. 18-7). Керамика этой группы залегала в нижней части слоя серо-бурой супеси (уровень «б»), на глубине 10-13 см. В эту же керамическую группу следует включить и ряд фрагментов, собранных в обнажении берега. Они орнаментированы «жемчужинами» и вдавлениями овальной поперечно гофрированной лопаточки (рис. 18-5, 8-11). По своим формально-орнаментальным особенностям данная керамика может быть сопоставлена с керамикой глазковского типа.

4. Сосуды с приостренным внешнеасимметричным венчиком, слегка отогнутым наружу. Верхняя часть горшка украшена круглыми негативными вдавлениями — «жемчужинами» и несколькими рядами треугольных налепных валиков, рассеченных двузубчатыми округлыми вдавлениями. Такие же округлые двузубчатые вдавления украшают и венчик сосуда (рис. 18-6). Керамика этой группы залегала в нижней части слоя серо-бурой супеси (уровень «б»), на глубине 10-13 см, вместе с керамикой третьей группы.

К четвертой группе можно отнести и два фрагмента керамики из подъемного материала. Один из них украшен валиком, рассеченным двузубчатыми округлыми вдавлениями (рис. 18 — 4), а у другого — двузубчатые вдавления располагаются несколькими рядами на тулове сосуда (рис. 18-12).

5. Сосуды с гладкой или штриховой поверхностью, имеющие прямое устье. Верхняя часть горшков украшена расположенными друг под другом треугольными валиками. Валики рассечены вертикальными вдавлениями лопаточки с угловым вырезом в центре (рис. 19). Керамика залегала в слое красно-бурой супеси (2-й культурный слой) и может быть сопоставлена с керами-

кой северобайкальского типа.

В 2005 г. стоянка Северобайкальск I вновь бы ла осмотрена. А.В. Харинским и И.С.Карнышевым. В береговых обнажениях собран подъемный материал, представленный керамикой оранжевого цвета. Среди находок остатки четырех сосудов с утолщающейся верхней частью. У первого сосуда венчик приостренной внешнеасимметричной формы. Его верхний край украшен наклонными рядами гребенчатого штампа. Снаружи верхняя часть сосуда орнаментирована двумя рядами «жемчужин» (рис. 20-1). У трех других сосудов хорошо выражено отогнутое наружу устье, средняя часть которого украшена пояском круглых вдавлений. У двух из них нижняя часть устья и верх тулова украшены тремя рядами наклонных вдавлений прямой отступающей лопаточки (рис. 20-4, 6). Третий фрагмент украшен тремя рядами наклонных вдавлений прямой поперечно гофрированной лопаточки (рис. 20-5). Один фрагмент керамики украшен как горизонтальными, так и наклонными рядами прямой отступающей лопаточки (рис 20-3).

В 2008 г. в о время осмотра стоянки Северобайкальская I А.В.Харинским было решено на месте береговых обнажений, в которых зафиксирован археологический материал, сделать небольшие зачистки. Всего сделано две зачистки. В районе юго-западной зачистки (N 55°38'22,4";E 109°21'39,7") отмечена следующая стратиграфия.

Сверху вниз	мощность в м
1.Дерн	0,03-0,04
2. Бурая (серо-бурая) супесь	0,07-0,08
3. Темно-серая (темно-бурая) супесь со следами прокала	0,10-0,11
4. Красно-бурая супесь	0,08-0,25
5. Светло-желтая (серо-желтая) супесь	вскрыта до 0,6

Археологический материал, представленный 8 фрагментами гладкостенной керамики, залегал в слое темно-серой супеси на глубине 18-20 см. Один из фрагментов принадлежал венчику приостренной внешнеасимметричной формы. Снаружи верхняя часть сосуда орнаментирована двумя рядами «жемчужин» и расположенными под ними треугольными валиками. Валики рассечены наклонными вдавлениями гребенки (рис. 20-2). В этом же слое зафиксированы окатанные камни разных размеров (гальки) и мелкие угольки. Обнаруженный в зачистке материал типологически сопоставим с находками 2005 г. и керамикой уровня «б» 1 слоя шурфа № 1.

В 26 м к северо-востоку от первой зачистки сделана вторая (N 55°38'22,4"; E 109°21 '39,7"). С ее помощью вскрыт участок берегового обнажения, имеющий следующую стратиграфию.

Сверху вниз	мощность в м
1. Дерн	0,05-0,06
2. Бурая (серо-бурая) супесь	0,12-0,14
3. Темно-серая (темно-бурая) супесь со следами прокала	0,00-0,05
4. Светло-желтая (серо-желтая) супесь	вскрыта до 0,5

В слое бурой супеси на глубине 10-12 см обнаружено 25 фрагментов керамики с оттисками шнура — сеногдинского типа. Один из фрагментов этой керамики был найден на стоянке во время работ 1989 г. Он имеет овальный, отогнутый наружу венчик, рассеченный сверху овальными поперечно гофрированными («личиночными») вдавлениями. Снаружи фрагмент покрыт оттисками шнура. Сосуд украшен пояском круглых вдавлений, часть из которых сквозные. Ниже них находится горизонтальный валик треугольный в сечении. На валик нанесен ряд наклонных поперечно гофрированных овальных вдавлений (рис. 17 — 1). В темно-серой супеси на глубине 18-20 см найдено 9 фрагментов гладкостенной керамики, ни один из которых не был орнаментирован.

Обсуждение

Среди археологических материалов, обнаруженных на стоянках Северобайкальск I, Богучанское XIII, Байкальское VI, присутствует керамика северобайкальского типа. Хотя не для одной из этих стоянок не предпринималось радиоуглеродное датирование, попытаемся установить хронологическую принадлежность керамики, основываясь на стратиграфических данных и материалах других археологических памятников.

На территории северо-западного побережья оз. Байкал к настоящему времени известно 5 археологических объектов (Лысая Сопка I, Северобайкальск I, Богучанское XIII, Байкальское VI

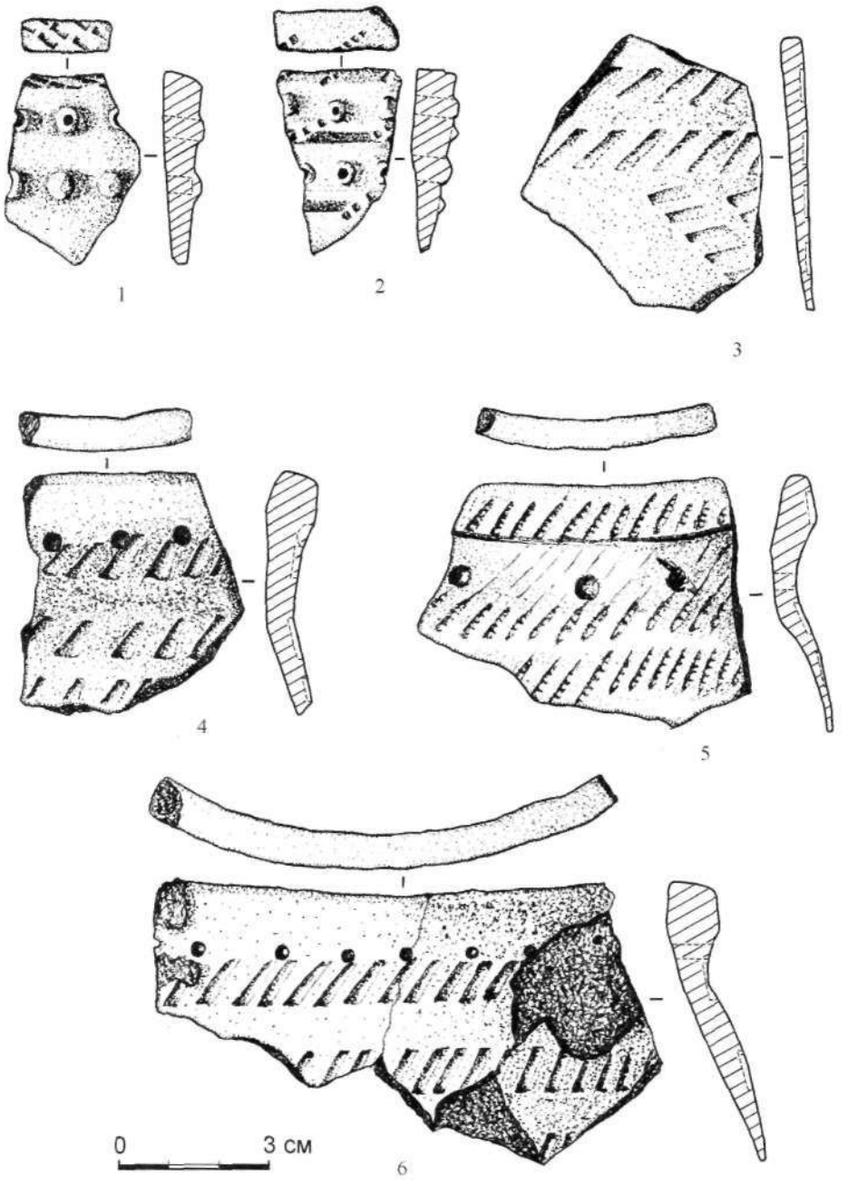

Рис. 20. Северобайкальск I, керамика: 1, 3-6 — подъемный материал 2005; 2 — зачистка 2008 гг.

и Байкальское III), где в наборе археологического материала была встречена керамика северобайкальского типа. Впервые подобная керамика была обнаружена В.В. Свининым на стоянке Лысая Сопка. Отмечая, что найденные сосуды изготовлены без каркаса и разнообразно орнаментированы, а также учитывая залегание их над керамикой с оттисками сетки-плетенки, автор относит ее к поздненеолитическому времени (Свинин, 1966).

Новые данные об этой керамике были получены в результате спасательных работ 1979 г. Т.А. Абдуловым и Н.П. Пилипчук. Ими реконструировано 19 сосудов северобайкальского типа и выявлены наиболее устойчивые признаки в их декоре. Отмечено зональное распределение мотивов орнаментации, однотипность композиции в целом и в то же время разнообразие в сочетании элементов и мотивов, особенно в нижней части композиции. В своей статье, посвящен-

ной раскопкам на Лысой Сопке, они приходят к выводу, что «украшение сосудов геометрическим орнаментом и строгая последовательность распределения мотивов по зонам сближают эту керамику с керамикой раннебронзовой андроновской культуры на Енисее. Андроновские сосуды, хотя и имели другую форму, украшались так же и в той же последовательности...» (Абдулов, Пилипчук, 1982: 60). Учитывая технологическое своеобразие сосудов с Лысой Сопки, авторы ставят вопрос о выделении самобытной культуры Северного Байкала, предлагая назвать ее северобайкальской и датировать II тыс. до н.э.

Анализируя материалы из раскопок В.В. Свинина и Т.А. Абдулова, Ю.С. Гришин, основываясь на топографических особенностях Лысой Сопки, пришел к выводу, что данный объект является святилищем. Найденная на нем керамика, как считает исследователь, носила исключительно культовый характер (Гришин, 1986: 68). Близость геометрического орнамента кельтов красноярско-ангарских типов со штампами, покрывающими поверхность северобайкальских сосудов, по мнению Ю.С. Гришина, позволяет датировать ее карасукским временем, причем поздним его этапом, так как большинство указанных кельтов датируется тагарским периодом (Гришин, 1986: 68).

Остатки сосуда северобайкальского типа найдены и на восточном берегу Байкала во II культурном горизонте стоянки Окуневая IV в слое темно-серого гумусированного песка. Боковая поверхность сосуда украшена наклонными прочерченными линиями. Ниже — три налепных валика, оформленных «скобчатыми» насечками. По тулову — горизонтальные ряды, выполненные овальной «отступающей» лопаточкой. О.И.Горюнова и Ю.П. Лыхин, анализируя материалы Окуневая IV, соглашаются с выводами Т.А. Абдулова и Н.П. Пилипчук, но уточняют предложенную ими датировку северобайкальской керамики, определив ее второй половиной II тыс. до н.э. В своих выводах они опираются на сравнение орнамента северобайкальских сосудов с керамикой из Забайкалья. По их мнению, значительное распространение валиковых украшений, оформленных «скобчтыми» насечками, фиксируется на керамике ранних стоянок доронинского этапа бронзового века Забайкалья, датируемого второй половиной II — началом I тыс. до н.э. Кроме этого, по их мнению, отмечается схожесть материалов с северного побережья Байкала с керамикой поселения Харга I (Горюнова, Лыхин, 1985: 139).

В 90-е гг. О.И. Горюнова омолаживает возраст керамики северобайкальского типа до X-VIII вв. до н.э. Она считает, что форма северобайкальской керамики (высокая, прямая шейка и довольно раздутое тулово), ряд элементов орнамента и их композиция — имеют существенное сходство с посудой карасукского времени в Южной Сибири, что подтверждает предложенную датировку. Как считает О.И. Горюнова, северобайкальская керамики распространяется на восточном и северном побережье Байкала (до Приольхонья) и встречается в Верхнем Приангарье (Горюнова, 1996). В состав керамики северобайкальского типа О.И. Горюновой включен сосуд из 1-го слоя поселения Горелый Лес на р.Белой — Верхнее Приангарье. Сосуд имеет резко отогнутый наружу венчик (рис. 21 — 1). Бортик его прямой. Снаружи венчик утолщен треугольным налепом. Шейка сосуда украшена рельефными налепными выступами, расположенными горизонтальными рядами. Всего таких выступов пять. Внутренняя и внешняя сторона венчика, бортик, а также рельефные выступы орнаментированы наклонным зубчатым штампом, расположенным горизонтальными рядами. Шейку горшка охватывает подобный поясок зубчатого штампа, от которого через каждые 2 см на тулово сосуда под углом 45° спускаются по две линии, выполненные тем же штампом. Диаметр сосуда по венчику 24,5 см (Савельев и др., 1974: 174).

Найти прямые аналогии сосуду из 1-го слоя Горелого Леса достаточно сложно. При его сравнении с керамикой северобайкальского типа хорошо заметна разница между двумя керамическими традициями. У северобайкальских сосудов не отмечены резко отогнутые наружу венчики; устье сосуда украшается не выступами, а валиками; отсутствует орнаментация зубчатыми штампами. Все это позволяет рассматривать сосуд из Горелого Леса как не имеющий никакого отношения к керамике северобайкальского типа.

Пытаясь определить место северобайкальской керамики среди археологических комплексов бронзового века, попытаемся проанализировать аргументы исследователей, предлагавших различные варианты ее датировки. Нахождение керамики северобайкальского типа на памятни-

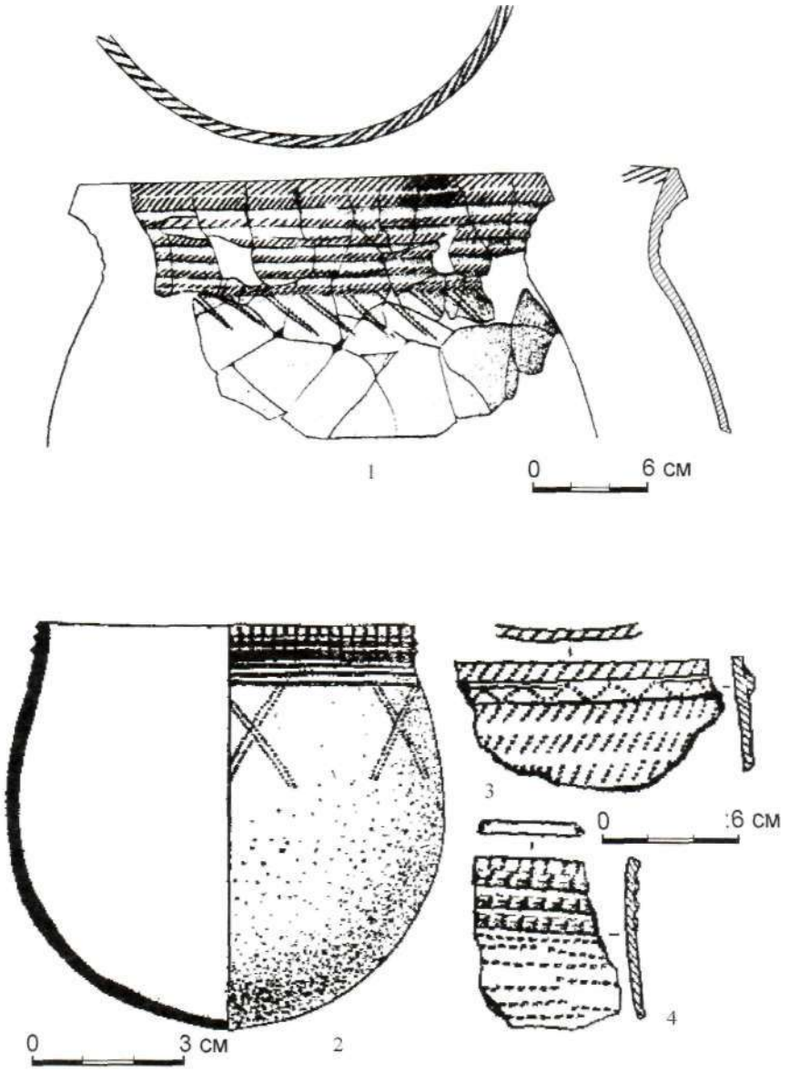

Рис. 21. Керамика. 1 — Горелый Лес, 1 культурный горизонт (по Савельву и др., 1974); 2 — Шаманский мыс, погребение № 3 (1975 г.) (по Конопацкому, 1982); 3,4 — Улан-Хада, IX культурный слой (по Горюновой, Савельеву, 2000)

ках с различной функциональной нагрузкой позволяет опровергнуть мнение Ю.С. Гришина о исключительно культовом ее назначении. Указанная керамика на северо-западном берегу Байкала найдена как на поселении (Байкальское III), так и на стоянках (Северобайкальск I, Богучанская XIII, Байкальское VI). В других частях байкальского побережья она также обнаружена на стоянках (Окуневая III, Окуневая IV, Посольск, Шаманский мыс II).

Основываясь на морфологических и орнаментальных показателях северобайкальской и андроновской керамики, можно констатировать, что это различные керамические традиции, не имеющие между собой ничего общего. Четкое распределение элементов орнамента по зонам сосудов, отмечаемое исследователями двух керамических традиций, широко представлено и на керамике других типов. Поэтому вряд ли можно рассматривать сходство зональности распределения орнамента как доказательство культурно-исторической общности данных культур (Еме-

льянова, 2008; 2009).

Сравнение северобайкальской керамики с карасукскими сосудами тоже не выглядит убедительным. Часть карасукских сосудов имеет плоское дно, в то время как северобайкальские сосуды были исключительно круглодонными. Большая часть карасукских сосудов залощена до блеска и имеет черную, желтую либо красную поверхность. На северобайкальской керамике не отмечено следов лощения. Орнамент на карасукских сосудах нанесен плоским, реже зубчатым штампом, много резных, прочерченных элементов. Встречаются сосуды, не орнаментированные или имеющие простой орнамент в виде ямок и желобков, и сосуды, богато орнаментированные узорами в виде рядов ромбов, сложных треугольных фестонов, зигзагов, заштрихованных треугольников (Комплекс археологических памятников.., 1979: рис.19; Вадецкая, 1986: 56). В отличие от карасукских сосудов, северобайкальские всегда богато орнаментированы. У них не встречается орнамента в виде треугольных фестонов и заштрихованных треугольников. В свою очередь, на карасукских горшках не фиксируется орнаментация в виде валиков, штампов и всевозможных вдавлений лопаточкой. Поэтому достаточно уверенно можно утверждать, что карасукские и северобайкальские сосуды относятся к двум разным керамическим традициям.

Важны для понимания культурно-хронологических особенностей керамики северобайкальского типа материалы со стоянки Катунь I на берегу Чивыркуйского залива (восточное побережье Байкала). Остатки сосудов северобайкльского типа обнаружены в IV культурном слое стоянки на глубине 0,66-0,70 м. Керамический комплекс, зафиксированный в слое, содержит типологически неоднородный материал. По технике нанесения и композиции орнамента выделяются две группы. Наиболее многочисленная -группа, украшенная «жемчужинами» и рядами, выполненными отступающей лопаточкой разной формы или оттисками зубчатого штампа. Венчик одного из них с «воротничком». Вторая группа представлена фрагментами сосудов северобайкальского типа. Их венчики украшены рядами близко расположенных друг к другу налепных валиков («воротничков»), оформленных оттисками «скобчатого» штампа. Под первым из них, как правило наносилась прочерченная линия. Туловo орнаментировано горизонтальными рядами, выполненными отступающей лопаточкой разных форм, которые перемежаются с рядами оттисков штампа прямоугольной, овальной формы или в виде «розеток» (Горюнова и др., 2009: 37).

Керамика, украшенная «жемчужинами», в сочетании с другими орнаментами и наличие «воротничков» является, по мнению исследователей, характерными признаками для позднеглазковских комплексов Прибайкалья. Наиболее близкие аналогии этой группы керамики отмечаются в I нижнем слое Улан-Хады и V-IV слоях Тышкинэ III. Радиоуглеродные даты по этим комплексам: по Улан-Хаде — 3800±100 (ЛЕ-1277) л.н. и 3620+50 (ГИН-4875) л.н., по Тышкинэ III — от 3440 до 3000 л.н. Учитывая стратиграфические наблюдения по расположению северобайкальской керамики на многослойных объектах Прибайкалья, О.И. Горюнова, Т.Ю. Номоконова и А.Г. Новиков считают обоснованным ее отнесение к позднему бронзовому веку (Горюнова и др., 2008: 38-40).

Наличие в одном культурном слое стоянки Катунь I керамики северобайкальского типа и керамики, орнаментированной «жемчужинами» в сочетании с отступающей лопаточкой и зубчатым штампом, указывают или на синхронность существования этих двух керамических традиций, или на их последовательную сменяемость. На стоянках, поселениях и святилищах северо-западного побережья Байкала эти керамические комплексы никогда не встречались вместе. Если судить по материалам стоянок Богучанская XIII и Северобайкальская I, керамика северобайкальского типа относится к более раннему времени, чем сосуды, орнаментированные «жемчужинами» и оттисками отступающей лопаточки. На Лысой Сопке и Байкальском III вместе с северобайкальской керамикой фиксировалась керамика с оттисками сетки-плетенки. На стоянке Богучанская XIII остатки сосудов с негативами сетки-плетенки располагались ниже, чем керамика северобайкальского типа. Поэтому, основываясь на стратиграфических наблюдениях, можно выстроить следующую последовательность смены керамических типов на северо-западном побережье Байкала: керамика с оттисками сетки-плетенки — северобайкальская керамика — керамика, украшенная «жемчужинами» и оттисками отступающей лопаточки.

Появление «жемчужин» на прибайкальской керамике связывается исследователями с ранним бронзовым веком (Горюнова, Хлобыстин, 1992; Горюнова, Воробьева, 1993). На побережье Байкала керамика, украшенная этим орнаментом, фиксируется на ряде многослойных стоянок Улан-Хада в слоях В/2-1 (VII слой) и Б (Горюнова, Хлобыстин, 1992: 48-49), на стоянке Тышкинэ III в VII-IV горизонтах (Горюнова, 1984) на стоянке Тышкинэ II в IV верхнем культурном горизонте (Горюнова, Ярославцева, 1982). При этом нигде на археологических объектах Байкальского побережья керамика, украшенная жемчужинами, не предшествовала керамике северобайкальского типа. Она залегала или в одном слое с ней, или выше нее. Следовательно, исходя из хронологии, построенной на основе материалов из многослойных стоянок Прибайкалья, ее следует относить к раннему бронзовому веку. Не противоречат такой датировке и находки из слоев, располагающихся ниже, чем слои, содержащие керамику северобайкальского типа.

На стоянке Катунь I под слоем, в котором обнаружена керамика северобайкальского типа (IV культурный слой), располагался слой V, содержавший гладкостенную керамику. Посуда — круглодонная. Узор покрывает верхнюю половину тулова и поверхности венчика. Для орнаментации характерно сочетание горизонтальных рядов, состоящих из оттисков штампа, и тонкой прочерченной линии, расположенной вдоль венчика. На 3 сосудах эта композиция дополнена наклонными линиями (в виде зигзага-развилки или одиночной наклонной линии), проходящими между горизонтальными рядами. Преобладают штамповые вдавления прямоугольной формы; реже встречены пунктирные и зубчатые оттиски. Керамика слоя сравнивается с комплексом VII-II (слой В — по М.П. Грязнову) слоев многослойного поселения Улан-Хада и VII-VI слоев Тышкинэ III, датируемых ранним бронзовым веком (Горюнова и др., 2008: 37).

Сравнивая керамику с Катуни и Тышкинэ можно заметить, что по некоторым параметрам эти комплексы не совпадают. На керамике из V слоя Катуни I совершенно отсутствует орнаментация жемчужинами, в то время как на сосудах из VII-VI горизонтов Тышкинэ III, она представлена достаточно широко (Горюнова, 1984: рис. 3-1). С другой стороны, на керамике с Тышкинэ отсутствуют пунктирные и зубчатые оттиски, встречающиеся на сосудах с Катуни. То же самое можно сказать и при сравнении катуньской керамики с керамикой из Улан-Хады. На сосудах из VII-II слоев Улан-Хады присутствует орнаментация жемчужинами и отсутствует украшение сосудов пунктирными оттисками (Горюнова, Хлобыстин, 1992: рис.21-23). Но что интересно, керамика V слоя Катуни I находит широкие аналогии с IX слоем Улан-Хады. В нем представлены гладкостенные сосуды, украшенные различными построениями «пунктирного» орнамента, оттисками зубчатого штампа и прочерченных линий (Горюнова, Хлобыстин, 1992: 43-45). Здесь имеется и посуда «посольского» типа, имеющая утолщение на венчике, как и в V слое Катуни I (Горюнова и др., 2008: рис.2 — 8). И в IX слое Улан-Хады и в V слое Катуни I отсутствует орнаментация керамики жемчужинами. Проведенные сопоставления заставляют усомниться в правомерности датировки V слоя Катуни I ранним бронзовым веком и, по аналогии с IX слоем Улан-Хады, считаем правомерным отнести его к развитому неолиту. Материалы слоя V демонстрируют типологическую близость с находками VII-VI слоев поселения Катунь I, что позволяет отнести их к единому хронологическому периоду. Для этих комплексов характерно сочетание инвентаря серовского, китойского облика и керамики посольского и хайтинского типов (Номоконова, Горюнова, 2004). Тогда, вышележащий IV слой Катуни I может по праву быть датирован ранним бронзовым веком. Этой датировке не противоречит керамический комплекс и другие категории артефактов, обнаруженные в IV слое.

На другой многослойной стоянке, расположенной на берегу Чивыркуйского залива, Окуневая IV, керамика северобайкальского типа обнаружена во II культурном горизонте. О.И. Горюнова и Ю.П. Лыхин датируют северобайкальскую керамику II тыс.до н.э. По их мнению, «в пользу этого свидетельствует значительное распространение валиковых украшений, оформленных «скобчатыми» насечками, на керамике ранних стоянок доронинского этапа бронзового века Забайкалья, датируемого второй половиной II — началом I тыс. до н.э. [Гришин, 1981, с. 116-117]» (Горюнова, Лыхин, 1985: 139).

Описывая керамику доронинского этапа (вторая половина II и, возможно, самое начало **I**

тыс. до н.э.), Ю.С. Гришин характеризует ее следующим образом: «Керамика рассмотренных стоянок доронинского этапа по сравнению с керамикой будаланского этапа характеризуется в основном сохранением прежних форм, но, видимо, с усложнением профилировки некоторых сосудов (с более четко выделенной горловиной и несколько расширенного тулова), увеличением количества плоскодонной посуды, со значительным возрастанием ее толстостенности и крупнозернистых примесей, появлением, вероятно, к концу этапа своеобразных сосудов-триподов. При этом наряду с господствовавшими прежде на сосудах техническими видами орнамента — штриховкой, отпечатками нитей и ткани значительное распространение, а иногда и преобладание на многих стоянках получают вафельные оттиски. Богатая орнаментация посуды на ранних стоянках этого этапа, еще довольно близка предшествующей времени неолита и ранней бронзы (горизонтальные ряды отступающей лопаточки, гребенчато-зубчатого штампа, елочного узора и др.), постепенно ограничивается к его концу, причем наряду с поясками из косых насечек, округлых углублений (иногда дырочек) или выпуклин «горошин» значительно распространеннее становятся валиковые украшения, в свою очередь, украшенные как прямыми, так и попарно расположенными под углом друг к другу насечками» (Гришин, 1981: 116-117).

Приводимое описание керамики доронинского этапа по целому перечню признаков не совпадает с керамикой северобайкальского типа, среди которой нет плоскодонных сосудов; керамика не толстостенная; в тесте нет крупнозернистых примесей; отсутствуют сосуды-триподы; на сосудах отсутствуют отпечатки нитей, ткани и вафельных оттисков; отсутствуют гребенчато-зубчатые штампы и елочный узор; не фиксируется орнаментация жемчужинами. Среди признаков, характерных для обоих керамических типов следует отметить: наличие штриховых оттисков на поверхности некоторых сосудов; орнаментация оттисками отступающей лопаточки, косыми насечками и валиками. Правда, в полной мере судить о керамике доронинского этапа достаточно сложно. В своей работе Ю.С. Гришин при характеристике керамики, относящейся к разным этапам неолита — бронзового века, не ссылается на рисунки или на публикации. Если судить по описанию, предложенному автором, то сосуды доронинского этапа Забайкалья более похожи на керамику, распространенную на побережье оз. Байкал в позднем бронзовом — раннем железном веках и сочетающую в себе черты глазковской и сеногдинской керамических традиций.

Сравнение керамики северобайкальского типа с материалами поселения Харга I (Горюнова, Лыхин, 1985: 139) также имеет мало оснований. В двух керамических традициях встречаются одинаковые орнаментальные мотивы, например, треугольные в сечении налепные валики, рассеченные наклонными вдавлениями лопаточки с прямым окончанием (Ивашина, 1979: с.67-68, рис. 50-2,6,7; рис. 51-1, 2, 5, 9). Но этот элемент орнамента встречается на харгойской керамике значительно реже, чем украшение ее треугольными, округлыми и другими видами отступающей лопаточки, а также насечками и отпечатками гребенчатого штампа. На многих сосудах из Харги I фиксируются отпечатки шнура или грубых нитей. Как и основная часть Фофановского могильника, вместе с погребением 8 могильника Бухусан, поселение Харга I относятся к фофановскому этапу раннебронзового века Забайкалья (первая половина II тыс. до н.э.) (Ивашина, 1979: 59). Разнообразная по орнаментации керамика Фофановского могильника с различными вариациями штампа отступающей лопаточки (прямой, угловой, зубчатой, овальной и прямоугольной) аналогична керамике с поселения Харга I (Емельянова, 2008), но не находит прямых аналогий с керамикой северобайкальского типа.

Попытки определения возраста северобайкальской керамики на основе ее сопоставления с материалами доронинской культуры и поселения Харга I выглядят неубедительными и не дают оснований датировать ее второй половиной II тыс. до н.э. Более правомерным является отнесение керамики II культурного горизонта Окуневой IV к раннему бронзовому веку. Не противоречат такой датировке и материалы из нижележащего III культурного горизонта. В нем обнаружена шнуровая керамика от двух сосудов простой формы, украшенных горизонтальным налепным валиком, оформленным насечками (двузубчатыми или прямыми); над налепом — поясок отверстий; срез венчика орнаментирован тем же штампом, что и валик. Гладкостенная керамика слоя украшена горизонтальны-

ми «пунктирными» рядами. Авторы статьи сопоставляют шнуровую керамику слоя с материалами ряда стоянок Северо-Восточной Бурятии, в частности, Старым Витимом I и Сосновой (Ветров, 1982: 87-88, 96, рис. 4, 2; Ивашина, 1979: 44, 46, 48, рис. 26, 1, 2), которую Л.Г. Ивашина относит к бухусанскому (поздненеолитическому) этапу и датирует второй половиной III — началом II тыс. до н.э. (Ивашина, 1979: 120). О.И. Горюнова и Ю.П. Лыхин считают данную датировку приемлемой и для комплекса III слоя Окуневой IV (Горюнова, Лыхин, 1985: 136, 139).

Следует согласиться с авторами статьи в том, что приемы орнаментации сосудов со шнуровыми оттисками из III культурного горизонта Окуневой IV иные, чем у сосудов развитого неолита из Прибайкалья и Якутии, и им в настоящее время трудно найти близкие аналогии. Однако фрагмент гладкостенного сосуда из этого слоя, орнаментированный горизонтальными «пунктирными» рядами, напоминает керамику с такой же орнаментации из IX (Г/1) культурного слоя Улан-Хады (Горюнова, Хлобыстин, 1992: рис. 17-3, 13, 15, 17, 18, 20; Горюнова, Савельев, 1990: рис.76-1-6, 9), относимую к развитому неолиту. При этом в IX слое Улан-Хады как и в III культурном горизонте Окуневой IV обнаружены сосуды с оттисками шнура, а также керамика, украшенная как одним, так и тремя, расположенными друг под другом, горизонтальными валиками. Причем у одного из сосудов валик рассечен двузубчатым вдавлением (Горюнова, Хлобыстин, 1992: рис. 17 — 3; Горюнова, Савельев, 1990: рис.76 — 6, 9). Керамика, орнаментированная оттисками шнура, отмечена и в IX-VIII культурных горизонтах Тышкинэ II, датированных развитым неолитом (концом IV — началом III тыс. до н.э.) (Горюнова, Ярославцева, 1982). Хотя орнаментация посуды с оттисками шнура из Окуневой IV не находит прямых аналогий среди материалов Улан-Хады, но по многим параметрам ее можно сблизить с керамикой IX слоя этого памятника и отнести к развитому неолиту.

Предпринятый анализ многослойных стоянок побережья Чивыркуйского залива, содержавших керамику северобайкальского типа, позволил определить время ее существования в диапазоне от развитого неолита до развитого бронзового века. Определить более точный возраст керамики позволяют радиоуглеродные даты, сделанные по Байкальскому III. Обнаруженный на нем во время раскопок археологический материал можно разделить на три культурно-хронологические группы. На основе керамики северобайкальского типа выделяется вторая группа артефактов. Вместе с ней встречено значительное количество изделий из камня, преимущественно из кварцита и кости. Этот культурный комплекс наиболее представительный на поселении. С ним можно соотнести 4 радиоуглеродных даты. Две из них — 3875±50 л.н. (СОАН-4101) и 3020+40 л.н. (ГИН-7062) получены по жилищу № 3. С учетом калибровки первая дата соответствует 2471-2152 гг. до н.э., а вторая 1395-1128 гг. до н.э. Две другие даты сделаны по образцам из святилища. Одна из них получена по костям изо рва — 3674±332 л.н. (ЛЕ-3613), соответствующая с учетом калибровки 2917-1225 гг. до н.э. Другая из них сделана по углю из основания вала 3815±35 л.н. (СОАН-3894), соответствующая 2401-2141 гг. до н.э. (Харинский и др., 2009). Калибровка дат выполнялась по программе REV 4.3, разработанной в Лаборатории четвертичных изотопов Вашингтонского университета. Границы хронологических диапазонов считывались по 2 sigma.

Судя по радиоуглеродным датам, керамику северобайкальского типа можно датировать в пределах 2,4-1,2 тыс. до н.э. Предложенная хронология пока имеет предварительный характер и в дальнейшем будет уточняться. К какому же из этапов по технологической периодизации отнести археологический комплекс, включающий керамику северобайкальского типа? Для того, чтобы более детально разобраться в этом вопросе, обратимся к периодизации бронзового века Прибайкалья.

Бронзовый век на территории Прибайкалья связан с распространением памятников глазковской культурной общности, для которой характерны одинаковые типы каменного и костяного инвентаря, наличие изделий из металла, украшения из светлого нефрита, появление среди керамических орнаментов жемчужин, которые наряду с отступающей лопаточкой занимают ведущее положение (Горюнова, Воробьева, 1993). Время существования глазковской культуры А.П. Окладников определил XVIII-XIII вв. до н.э. (Окладников, 1955: 5). Все глазковские памятники разделены им на две хронологические группы — раннюю и позднюю (Окладников, 1950:

126). Ранний период глазковской культуры А.П. Окладников сопоставлял с афанасьевской культурой, а позднеглазковские памятники — с андроновской (Окладников, 1950: 126-127). Исследования на многослойных поселениях Приольхонья позволили О.И. Горюновой вернуться к вопросу о разделении бронзового века на два периода: ранний и развитый, и установить соответствующие им раннеглазковские и позднеглазковские памятники (Горюнова, 1984: 16; Горюнова, 1992; Горюнова, Воробьева, 1986).

В статье, написанной в соавторстве с Г.А. Воробьевой, на основании корреляции многослойных поселений Приольхонья, О.И.Горюновой выделяется ряд культурно-хронологических периодов. Ранний неолит (6,5-5 тыс. л.н.) — появляется керамика с оттисками сетки-плетенки, сосуды круглодонные и остродонные; развитый неолит (5-4,5 тыс. л.н.) — с культурно-смешанными комплексами (изделия позднесеровского, китайского облика и керамика «посольского» типа); поздний неолит (4,5-4,0 тыс.л.н.) — характеризуется гибридной культурой (раннеглазковской), с керамикой усть-бельского типа, утолщения венчиков исчезают, характерна волнообразная форма края сосудов. В бронзовом веке выделяется три периода: ранний (4,0-3,3 тыс. л.н.) — сопоставимый с памятниками глазковской культуры, характеризуется штриховой и гладкостенной керамикой, украшенной «отступающей лопаточкой», в поздний период — «воротничками» и жемчужинами; развитый (3,3-2,8 тыс. л.н.) — сопоставим с карасукско-шиверским периодом, керамика с «воротничками», появляются ногтевые защипы; поздний (2,7-2,6 тыс.л.н.) — с тапхарским этапом культуры «плиточных могил», керамика с негативами грубого шнура, на поддонах или с уплощенным дном, орнаментация налепными валиками, рассеченными «личинками». Ранний железный век (2,5-2,2 тыс. л.н.) сопоставим с саянтуйским этапом культуры «плиточных могил», гладкостенная керамика с валиками, украшенными пальцевыми защипами или зубчатыми насечками (Горюнова, Воробьева, 1986).

В публикациях 1986 и 1987 гг. О.И.Горюнова изменяет хронологию некоторых периодов неолита и бронзового века Приольхонья. Поздний неолит — 2-я половина III — начало II тыс. до н.э. (4,5-3,8 тыс.л.н.) — характеризуется гибридной культурой (раннеглазковской), с керамикой улан-хадинского и устьбельского типов. В бронзовом веке выделяется три периода: ранний (3,8-3,3 тыс. л.н.) — сопоставимый с памятниками глазковской культуры, развитый (3,3-2,8 тыс. л.н.) — с карасукско-шиверским (андроноидно-карасукским) временем и поздний (2,7-2,6 тыс.л.н.) — с тапхарским этапом культуры «плиточных могил». Ранний железный век (2,5-2,2 тыс. л.н.) представлен поздними памятниками культуры «плиточных могил». Для восточного побережья Байкала исследователь также выделила ряд культурно-хронологических периодов, сопоставимых с приольхонской периодизацией. Развитый неолит (5-4,5 тыс.л.н.) представлен культурным пластом с керамикой «посольского» типа; поздний неолит (4,5-3,8 тыс. л.н.) — комплексом, содержащим шнуровую керамику с налепным валиком (аналогичную бухусанской культуре Северо-Восточной Бурятии). Для развитого бронзового века (3,3-2,8 тыс. л.н.) характерна керамика северобайкальского типа. Поздний бронзовый век (2,7-2,6 тыс. л.н.) представлен одним из этапов культуры плиточных могил (Горюнова, 1986; 1987).

В более поздних работах представления О.И. Горюновой о хронологии бронзового века и отдельных его периодов периодически менялись. В сборнике статей «Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири» Комплексы VIII-0-х культуросодержащих слоев поселения Улан-Хады характеризуют разные фазы бронзового (4,5-2,5 тыс. л.н.) и железного (2,5-1,0 тыс. л.н.) веков Приольхонья (Горюнова, Савельев, 1990: 133). В статье, опубликованной в 1993 г., О.И. Горюнова изменяет датировку развитого бронзового века Прибайкалья, определяя его хронологический диапазон XVI-XI вв. до н.э. (Горюнова, Воробьева, 1993).

Основываясь на периодизации О.И. Горюновой (1987 г.), северобайкальский археологический комплекс можно сопоставить с поздним неолитом (2,5-1,8 тыс. до н.э.) и ранним бронзовым веком (1,8-1,3 тыс. до н.э.). Но материалы, имеющиеся к настоящему времени, не позволяют говорить о двух этапах существования археологического комплекса, содержащего керамику северобайкальского типа. Он един. К какому же из двух периодов по схеме О.И. Горюновой его отнести? К сожалению, в культурных слоях стоянок и поселений, сопоставимых с ранним или разви-

тым бронзовым веком, практически отсутствуют металлические изделия. Поэтому, основываясь на них, достаточно сложно утверждать, когда наступает эпоха палеометалла. Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к материалам погребальных комплексов байкальского побережья.

Самые ранние металлические изделия на территории Предбайкалья обнаружены в погребениях шумилихинской группы. В эту группу объединены захоронения, распространенные на территории Южного Приангарья, Верхней Лены и Приольхонья. Погребенные в них располагались в сидячей позе. Наиболее древним шумилихинским захоронением, в котором обнаружено металлическое изделие — медная трубочка, является погребение № 32 могильника Шумилиха. По нему имеется радиоуглеродная дата 4660+80 л.н. (ГИН-4068), соответствующая с учетом калибровки 3640 — 3104 гг. до н.э. По костям погребенного из захоронения № 37, в котором найден медный кельт, получена абсолютная дата — 4100±50 л.н. (ГИН-4065) (Мамонова, Сулержицкий, 1989). Судя по ней, с учетом калибровки, время сооружения захоронения соответствует 2870-2470 гг. до н.э. Если процесс развития технологии производства цветных металлов в Прибайкалье проходит через те же этапы, что и на большей части континента Евразия, то первый этап этого процесса, связанный с появлением первых металлических вещей, можно соотнести со второй половиной IV тыс. до н.э. Сведения о втором этапе металлургии — появления отливок в односторонних формах, пока отсутствуют. Следующий этап, характеризующийся отливками в двухсторонних формах, можно датировать серединой III тыс. до н.э.

Химический анализ металлических вещей из могильника Шумилиха, предпринятый Н.Ф. Сергеевой, свидетельствует о местном производстве найденных изделий на базе самородной меди и зон халькозино-барнитового оруднения в медистых песчаниках Иркутского амфитеатра. Игольник из погребения № 36 и «нож» из захоронения № 33 выполнены из оловянистой бронзы (Sn — 1,5 и 0,91). «Нож» (погребение № 31) и браслет (№ 25) — из мышьяковистой меди (As — 1,1 и 1,0). Остальные изделия (4 предмета) изготовлены из «чистой» меди, в том числе и кельт из погребения 37, который анализировался дважды (Сергеева, 1981).

По наиболее раннему шумилихинскому захоронению № 10 имеется дата 4850±70 л.н. (ГИН-4064), а по наиболее позднему, вскрытому в 1986 г., имеется дата 3850±80 л.н. (ГИН-6821) (Фролов, Хамзин, 1987; Бердникова, Ветров, 2000). С учетом калибровки, время существования первого из них соотносится с 3773 — 3384 гг. до н.э., а второе 2560 -2040 гг. до н.э. Судя по этим датам, время сооружения шумилихинских погребений в Южном Приангарье соотносится с 3773-2040 гг. до н.э. Учитывая историко-культурные процессы, протекавшие в Прибайкалье, время существования шумилихинской погребальной традиции можно предварительно определить сер. IV — сер. III тыс. до н.э.

Удревнение начала бронзового века в Прибайкалье, на основании радиоуглеродного датирования, процесс вполне закономерный, имеющий общую тенденцию для всей территории Южной Сибири (Ермолова, Марков, 1983; Орлова, 1995; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003: 107). Судя по радиоуглеродным данным с учетом калибровки, афанасьевская культура существовала на территории Минусинской котловины в период с 4,0-3,9 тыс. до н.э. (Кора-Коте) по 2,9-2,8 тыс. до н.э. (Летник VI) (Ермолова, Марков, 1983). К поздней группе афанасьевких памятников относятся могильники Афанасьева гора и Карасук III, по которым получены радиоуглеродные даты, имеющие суммарную оценку вероятности 2750-2477 гг. до н.э. Окуневские же погребения имеют суммарную оценку вероятности 2400-1975 гг. до н.э. Более древними в отличие от традиционной хронологии федоровских памятников андроновской культуры — XV-XIII вв. до н.э. (Кузьмина, 2008: 241), оказались и радиоуглеродные даты по андроновским захоронениям Минусинской котловины. Суммарная оценка вероятности этих дат составила 1675-1510 гг. до н.э. Суммарная оценка вероятности 15 дат по карасукским захоронениям составила 1380-1000 г. до н.э. (Святко, Поляков, 2009). Следуя данной хронологии, время появление медных вещей на юге Сибири следует соотносить с IV тыс. до н.э. (афанасьевское время).

На Горном Алтае ранняя группа афанасьевских погребений (Нижний Тюменчин I и Ело-Баши) датируется по сигме 2 — 40-36 вв. до н.э., а поздняя (Тыткескень I, VI; Чобурак III; Бирюкса I; Берсюкта I, II; Чобурак I, III) — 34-23 вв. до н.э.

Возраст афанасьевского слоя в Денисовой пещере определяют шесть дат, укладывающиеся во временной интервал 41-27 вв. до н.э. (Грушин, 2009; Кирюшин, Семибратов и др., 2009). Невзирая на наличие солидной серии радиоуглеродных дат по афанасьевским памятникам, продолжают встречаться и скептические мнения по поводу их датировки IV тыс. до н.э. (Стенпанова, 2009). Вслед за афанасьевской культурой, относящейся к эпохе энеолита, на Алтае следует елунинская культура, соотносимая с ранним бронзовым веком. Общая радиоуглеродная хронология памятников елунинской культуры лесостепного Алтая по суммарной совокупности дат определяется в рамках XXVII-XVII вв. до н.э. по 2 сигме. Обобщенный хронологический интервал для памятников андроновской культуры Алтая (средний бронзовый век) составляет по второй сигме 2141-1451 гг. до н.э. (Кирюшин, Грушин, Папин, 2009).

Эпоха раннего металла в бассейне Среднего Прииртышья связана с формированием усть-тартасской культуры. Судя по радиоуглеродным датам, она существовала с середины V тыс. до н.э. по середину III тыс. до н.э. Таким образом, усть-тартасская культура датируется сегодня в широких хронологических рамках (Марченко, 2009) и свидетельствует об общей тенденции удревнения археологических культур, знаменующих начальные этапы использования металла.

Металлические орудия, изготовленные техникой двухстороннего литья, впервые фиксируются в окуневских захоронениях. Среди них отмечены: бронзовое копье с удлиненно-ромбическим пером и втулкой; бронзовый проушный топорик; бронзовый кельт (Вадецкая, 1986: 30-31). Распространение металлических вещей, отлитых в двухсторонних формах, в Минусинской котловине и Южном Приангарье (Шумилиха — 37) происходит одновременно — в III тыс. до н.э., что свидетельствует об общих тенденциях в развитии цветной металлургии на юге Сибири.

Основываясь на материалах захоронений неолита — бронзового века, Г.В. Туркин и А.В. Харинский предложили новую культурно-хронологическую схему развития исторических общностей побережья оз. Байкал (Туркин, Харинский, 2004: 154-155), которая, по их мнению, достаточно хорошо коррелируется с опубликованными ранее периодизациями (Конопацкий, 1982; Мамонова, Сулержицкий, 1989; Weber A., 1995; Харинский, Сосновская, 2000; Туркин, 2003).

Китойский этап. Период охватывает VI — середину V тыс. до н.э. Он характеризуется распространением на южном побережье Байкала захоронений «китайского» типа. Под этим термином объединяются захоронения, распространенные на территории Прибайкалья в период с VI тыс. до н.э. по середину V тыс. до н.э. и имеющие некоторые схожие элементы погребального ритуала, например засыпка умерших охрой. Погребальный ритуал «китайских» захоронений значительно различается в разных частях Прибайкалья (Базалийский, 1998). Эти различия, вероятно, в ближайшее время приведут к выделению отдельных локальных «китойских» культур, которым будут присвоены различные имена. А название «китойский» сохранится за культурно-историческим этапом раннего неолита Южного Приангарья.

Серовский этап. Период охватывает середину V — середину IV тыс. до н.э. На территории южного побережья Байкала. Материалы, относящиеся к этому периоду не имеют достаточно четкой идентификации. Поэтому он выделяется по аналогии с соседними районами — Южным Приангарьем и Приольхоньем, и характеризуется распространением серовского типа захоронений.

Шумилихинский этап. Период датируется серединой IV — серединой III. В это время в Южном Приангарье, Приольхонье и на Верхней Лене распространяется шумилихинский погребальный ритуал. Появляются первые изделия из меди, а на заключительных стадиях этапа фиксируются изделия, изготовленные в двусторонних формах.

Глазковский этап. Период охватывает середину III — середину II тыс. Он характеризуется распространением на южном побережье Байкала захоронений южнобайкальского типа. В это же самое время в Приольхонье преобладающим погребальным ритуалом становится — саганнугэйский, а в Южном Приангарье — глазковский. Завершение этапа связано с распространением на побережье оз. Байкал и в Приангарье захоронений бутухейского типа.

Проанализировав радиоуглеродные даты с археологических объектов, расположенных на маломорском побережье оз. Байкал, Верхней Лене, Ангаре и Южном Байкале, А. Вебер предложил свою хронологию прибайкальских захоронений (Weber et al., 2005; 2006).

Ранний неолит (поздний китой)	5800-4900 л. до н.э.
Средний неолит (хиатус)	4900-4200 л. до н.э.
Поздний неолит (раннее серово-глазково)	4200-3400/3000 л. до н.э.
Бронзовый век (позднее серово-глазково)	3400/3000-1000 л. до н.э.

В статье, опубликованной двумя годами позже, периодизация погребальных комплексов была несколько изменена (Weber, 2007). Для побережья Малого Моря она выглядит следующим образом.

Ранний неолит (китой и другие)	8000-7200 л.н.
Средний неолит (хиатус)	7000/6800-6000/5800 л.н.
Поздний неолит (исаково,серово, ильно согнутые)	6000/5800-5200/5000 л.н.
Бронзовый век (сильно согнутые, глазково)	5200/5000-4000 л.н.

Предложенная культурно-хронологическая схема уточняет некоторые периоды в истории побережья оз. Байкал, относя начало бронзового века к 3,2-3,0 тыс. до н.э. При этом наиболее ранние захоронения бронзового века — сильно согнутые, правомерно соотнести с погребениями шумилихинской группы.

При сопоставлении периодизации захоронений и периодизации материалов многослойных поселений увидим некоторое несоответствие. К раннему бронзовому веку, заключительный период которого датируется О.И. Горюновой XIII в., были отнесены VII-IV горизонты стоянки Тышкинэ III (Горюнова, 1984). Правда впоследствии периодизация Тышкинэ III была несколько пересмотрена (Горюнова и др., 1996). К ранней бронзе отнесены слои VII(VIII?)-VI(VII?), по которым имеются следующие радиоуглеродные даты: слой VII(VIII?) — 3660±20 л.н. (СОАН-2513), слой VII — 3780±40 л.н. (ГИН-4880), слой VI(VII?) — 3525±25 л.н. (СОАН-2512). По слоям, отнесенным к развитому бронзовому веку, также получена серия радиоуглеродных дат: слой V — 3160±50 л.н. (ГИН-4878) и 3440±20 л.н. (СОАН-2511), слой IV — 3080±60 л.н. (ГИН-4879) и 3000±30 л.н. (СОАН-2513). К раннему бронзовому веку были отнесены II, I горизонты Итырхея, II горизонт Саган-Нугэ. Это время характеризуется неустойчивым климатом и сопоставимо с суббореальным периодом (Горюнова, Воробьева, 1986). Хотя впоследствии II слой Итырхея был отнесен к развитому неолиту. Такая корректировка, вероятно, была сделана в результате получения по нему радиоуглеродной даты 4485±45 л.н. (СОАН-1585) (Горюнова и др., 1996). Ранним бронзовым веком (первая половина 2-го тыс. до н.э.) датировался и комплекс слоев В/2-1 поселения Улан-Хада, по которым имелись радиокарбоновые даты (VII слой — 3660±60 л.н., VI слой — 3710+10 л.н., V слой — 4220±120 л.н., II слой — 4000±50 л.н.) (Горюнова, Хлобыстин, 1992; Горюнова и др., 1996).

Для раннего бронзового века характерна штриховая и гладкостенная керамика, украшенная «отступающей лопаточкой». Орнаментальные мотивы, генетически связаные с посудой позднего неолита, отличаются упрощением композиции. Встречаются новые мотивы (зооморфные, солярные и антропоморфные) и элементы узора (жемчужины). В последний период раннего бронзового века появляется керамика с «воротничком»; ведущим элементом орнамента становятся жемчужины. Период развитого бронзового века в Приольхонье характеризуется гладкостенными сосудами с «воротничками». Орнамент более упрощен, появляются новые элементы — ногтевые защипы, широко распространена солярная символика (Горюнова, Воробьева, 1986)

В более поздних работах О.И. Горюнова и Г.А. Воробьева относят появление антропоморфных изображений и «воротничков» на сосудах к развитому бронзовому веку: «Керамика развитого бронзового века по форме и техническому декору аналогична комплексам раннего бронзового века. Сосуды круглодонные (реже — остродонные) простой и сложной закрытой формы. Поверхность посуды — гладкая и штриховая. Отмечается упрощение композиции орнамента на сосудах, ведущими элементами узора становятся жемчужины, появляются новые мотивы — антропоморфные изображения. Новациями являются «воротнички» на посуде, орнаментированной в прежней манере (рядами отступающей лопаточки, штамповых вдавлений или одними жемчужинами)» (Горюнова, 1992; Горюнова, Воробьева, 1993).

Начало бронзового века по материалам из

многослойных стоянок, с учетом калибровки наиболее ранних радиоуглеродных дат (Улан-Хада 5-й слой — 4220±120 л.н.), наступает 3,1-2,5 тыс. л. до н.э., но если учесть, что нижележащие слои стоянки имеют более молодые даты, то безоговорочно полагаться на нее невозможно. О.И. Горюнова и ее соавторы указывают на инверсию дат для VIII-II культурных слоев Улан-Хады, которая связана с процессом перевеивания культурных слоев (Горюнова и др., 1996). Поэтому при датировке начального этапа бронзового века будем ориентироваться на дату по нижележащему VIII слою Улан-Хады, соотносимому с поздним неолитом — 4060±80 л.н. (Горюнова и др., 1996). Судя по ней, бронзовый век наступает в середине III тыс. до н.э. Завершение раннего бронзового века, судя по наиболее поздней дате (VI слой Тышкинэ III — 3525±25 л.н.), происходит 1,9-1,8 тыс. л. до н.э. При сравнении периодизаций по погребальным комплексам и по материалам многослойных стоянок отмечается хронологическое запаздывание последней. Так как в слоях раннего и развитого бронзового века стоянок Приольхонья не было отмечено изделий из металла, то при определении начального этапа бронзового века будем полагаться на материалы погребений, а, судя по ним, начало эпохи палеометалла можно соотнести со второй половиной IV тыс. до н.э. (шумилихинский тип захоронений).

Время существования развитого неолита на основе материалов из стоянок определяется двумя радиоуглеродными датами по стоянке Итырхей: 4740±155 л.н. (СОАН-3342) (IV слой) и 4485±45 л.н. (СОАН-1585) (II слой). Они соответствуют временному интервалу 3,8-3,0 тыс. до н.э. Доверительный интервал даты по IV слою Итерхея достаточно велик, поэтому целесообразнее при определении нижнего интервала развитого неолита ориентироваться на дату по слою IX Улан-Хады — 4560±100 л.н. (ЛЕ-1282). Если основываться на ней, то время существования развитого неолита определяется 3,6-3,0 тыс. до н.э., т.е. второй половиной IV тыс. до н.э. Следовательно, поздний неолит по материалам стоянок следует соотносить с первой половиной III тыс. до н.э.

Проанализировав материалы из стоянок и погребений, попытаемся провести их корреляцию. Для этого вначале определим время бытования погребений шумилихинской группы в Приольхонье. Они зафиксированы на могильниках Шидэ I, Улан-Хада IV, Улярба, Курма XI и Сохтер IX (Горюнова, Хлобыстин, 1992; Комарова, Шер, 1992; Горбунова, Пшеницына, 1992; Сосновская, Харинский, 1997; Горюнова и др., 2004; Вебер, Горюнова, 2005). По одиночному захоронению Сохтер IX получена радиоуглеродная дата 4425±60 л.н. (СОАН-3347). Также даты имеются по трем сидячим захоронениям с могильника Курма XI: погребение № 19 — 4010±60 л.н. (ТО-11678), № 25 — 4170±60 л.н. (ТО-11684), № 26 — 4240±60 л.н. (ТО-11683) (Weber et al., 2006). Судя по ним, шумилихинские захоронения сооружались в Приольхонье в 3,3-2,5 тыс. до н.э., то есть значительно позже, чем в Ангарской долине. Хотя данное предположение носит только предварительный характер, так как даты по другим захоронениям Приольхонья могут быть старше. Тем не менее, время появления шумилихинских захоронений в этом районе, может знаменовать наступление бронзового века. По периодизации А. Вебера и его соавторов начало бронзового века в Приольхонье относится к 5200/5000 л.н., что, в принципе, не противоречит выводам, полученным нами.

При совмещении двух видов периодизаций возникает потребность пересмотреть возраст некоторых культурных слоев стоянок Приольхонья. Культурные слои, относившиеся до этого к позднему неолиту, следует датировать ранней бронзой, как, например, слой VIII Улан-Хады. Соответственно слои, датировавшиеся до этого развитым неолитом, теперь следует соотнести с поздним периодом новокаменного века, разделяя его только на два этапа — ранний и поздний неолит. Как же изменится внутренняя хронология бронзового века Приольхонья с его общим удревнением? Пока на этот вопрос ответить сложно и можно лишь наметить некоторые тенденции в этом направлении. С ранним бронзовым веком вполне правомерно сопоставить шумилихинские погребения и материалы культурных слоев стоянок, которые до этого относились к позднему неолиту (слой VIII Улан-Хады). Его временной интервал будет определяться концом IV-серединой III тыс. до н.э. Развитый бронзовый век правомерно соотнести с периодом, когда в Приольхонье становятся преобладающими захоронения саган-нугэйского типа (Харинский, Сосновская, 2000). Время их существования к настоящему времени определяется огромной серией радиоуглеродных дат, полученных преимущественно

по двум могильникам Хужир-Нугэ XIV и Курма XI (Горюнова и др., 1998, Weber et al., 2005; 2006). Судя по ним, саган-нугэйский тип захоронений существовал до 1,4 тыс. л.н. (Хужир-Нугэ XIV погребение № 24 — 32001150 л.н. (ТО-06868), погребение № 63 — 3150±70 л.н. (ТО-09412) (Weber et al., 2006). Завершение этапа (периода) правомерно связать с распространением на побережье оз. Байкал захоронений бутухейского типа и отнести его к середине II тыс. до н.э. С этим этапом следует связать слои раннего бронзового и развитого бронзового века приольхонских стоянок.

Какое же место отводится археологическому комплексу с керамикой северобайкальского типа в периодизации археологических памятников байкальского побережья. К настоящему времени периодизация бронзового века северо-западного побережья оз. Байкал еще не разработана. Судя по археологическим материалам, в том числе представленным и в этой статье, предварительно можно наметить два этапа его существования, которые выделяются по керамическим комплексам. Ранний — характеризующийся керамикой северобайкальского типа, поздний— представленный гладкостенной керамикой, орнаментированной жемчужинами и оттисками отступающей лопаточки.

С ранним этапом бронзового века соотносятся погребения № 1, 5 могильника Красный Яр I (Коростелев, 2003). По ним имеются радиоуглеродные даты: погребение № 1 — 3870±40 л.н. (ГИН-10935), погребение № 5 — 3765+55 л.н. (СОАН-4876). С учетом калибровки, время их сооружения определяется интервалом 2,5-2,0 тыс.л. до н.э. Погребение № 1 оказалось в осыпи в результате разрушения берега. Костяк не сохранил анатомический порядок. Некоторые из костей окрашены охрой. Рядом с костями погребенного найдена костяная игла и отщепы с ретушью.

Надмогильная кладка погребения № 5 сильно сползла по склону горы. Под ней отмечена забутованная камнями могильная яма, глубиной 0,8 м. Длинной осью она ориентирована по линии СВ — ЮЗ. Погребенная, молодая женщина, ориентирована головой на юго-запад (по азимуту 220°). Правая рука ее согнута в локте, левая вытянута вдоль тела. Умершая обернута берестяным полотном. Под костями также фиксируются следы берестяного полотна, которым выстилалось дно могильной ямы. Сверху яма перекрывалась продольно уложенными деревянными жердями. Под верхним слоем берестяного полотна, в районе головы погребенной, обнаружено скопление кремневых сколов (11 единиц), кремневый наконечник стрелы, сохранившиеся остатки сумки из меха и бересты. В районе бедренных костей найдено 20 резцов тарбагана и 3 подвески из клыка марала, которые, вероятно, украшали спереди подол одежды. На запястье правой руки погребенной находился браслет, состоящий из двух нефритовых пластин. Возле левой руки найдена медная игла длиной 5 см и комок охры. На кисти левой руки обнаружен медный браслет и остатки кожаной одежды.

Хотя в погребении отсутствуют глиняные изделия, тем не менее, оно было сооружено в то время, когда на северо-западном побережье Байкала «господствовали» археологические комплексы с керамикой северобайкальского типа. Поэтому вполне правомерно объединить их в рамках одной археологической культуры, предварительное время существования которой определяются 2,5-1,2 тыс. до н.э. Так как одним из самых ярких ее свидетельств является керамика северобайкальского типа, то и саму культуру предлагается назвать северобайкальской.

В конце II тыс. до н.э. на северо-западном побережье Байкала уже не фиксируется керамика северобайкальского типа. Ее сменяют археологические комплексы, в которых преобладала гладкостенная керамика, украшенная жемчужинами и оттисками отступающей лопаточки. Сосуды с подобной орнаментацией широко представлены на байкальском побережье и за его пределами в бронзовом веке. В середине I тыс. до н.э. на северном побережье Байкала распространяются захоронения бутухейского типа, характеризующиеся трупоположением вытянуто на спине и ориентировкой головой на восток — юго-восток. Появление нового погребального обряда на северо-западном побережье Байкала знаменует начало заключительного этапа бронзового века-бутухейского (VII-V вв. до н.э. — III вв. до н.э.) (Харинский,2004)

Северобайкальский керамический комплекс выделяется своей оригинальностью среди остальной керамики неолита — бронзового века байкальского побережья. Неожиданно появившись в середине II тыс. до н.э., он так же бесследно пропадает в конце I тыс. до н.э. Но настолько

ли неожиданным является появление керамики северобайкальского типа, имеются ли в материалах предшествующих эпох предпосылки возникновения этого феномена? Уже на нынешнем этапе исследований на этот вопрос можно ответить положительно. Ища истоки северобайкальских орнаментальных элементов, и, прежде всего валиков, обратимся к материалам позднего неолита.

В серовском керамическом комплексе орнаментация сосудов налепными валиками встречается достаточно редко. Преобладают орнаменты, состоящие из геометрических построений штамповых вдавлений, «пунктирных» и прочерченных линий (Горюнова, 1997: 98). Поэтому вызывает интерес находка в слое Г/1 Улан-Хады остатков сосуда с налепными валиками, рассеченными пунктирными насечками (Горюнова, Савельев, 1990: рис. 76 — 6) (рис. 21-4). Валики располагаются горизонтально в четыре ряда, украшая устье сосуда от верхнего среза до шейки, вплотную примыкая друг к другу. В разрезе валики имеют треугольную форму. Ниже них, по верхней части тулова, располагаются горизонтальные ряды гребенчатых оттисков. На другом сосуде из этого же слоя, чуть ниже венчика располагается один налепной валик, украшенный оттисками зубчатого штампа, расположенными зигзагообразно. С внешней стороны венчика имеется горизонтальный ряд наклонно расположенных оттисков зубчатого штампа. Еще три подобных ряда находятся ниже валика (Горюнова, Савельев, 1990: рис. 76-9) (рис.21-3). Археологический материал из Г/1 слоя (IX культурный горизонт) Улан-Хады относится О.И. Горюновой и Л.П. Хлобыстиным к развитому неолиту и датируется концом 4-го — серединой 3-го тыс. до н.э. (Горюнова, Хлобыстин, 1992: 46). По нему имеются радиоуглеродные даты 4560±100 л.н. (ЛЕ-1282) и 4030±115 л.н. **(СОАН-3335)** (Горюнова и др., 1996).

Сосуды с похожей орнаментикой фиксируются в позднесеровских погребениях Предбайкалья. Они обнаружены в захоронении Шаманский Мыс № 3 (1975) и Усть-Долгая № 1 (Окладников, Конопацкий, 1980; Конопацкий, 1982; Окладников, 1950; 1976). Найденный на Шаманском мысу сосуд круглодоннный с четко выраженным и слегка отогнутым наружу устьем, верхний край которого уплощен. Снаружи венчик орнаментирован двумя треугольными в сечении налепными валиками, рассеченными вертикальными вдавлениями зубчатого штампа. Верхняя часть тулова украшена тремя горизонтальными рядами пунктирных вдавлений, а под ними Х-образным орнаментом из сдвоенных пунктирных полос (Конопацкий, 1982: рис. 48) (рис.21-2). Погребение, в котором обнаружен сосуд, сопоставляется А.К.Конопацким с серовскими захоронениями Прибайкалья (1982: 93).

Для неолита байкальского побережья налепные валики являются второстепенным культурный элемент, который, вероятно, связан с влиянием, оказываемым населением сопредельных территорий (Харинский, 2005а). Не исключено, что традиция украшать керамику валиками пришла в Прибайкалье из Приамурья или со Средней Лены. В конце неолита — начале бронзового века байкальские носители традиции оформлять керамику налепными валиками формируются в общность, одним из культурных показателей которой стало производство керамики северобайкальского типа.

Конечно, проводить прямые параллели между неолитическими сосудами с налепными валиками и северобайкальской керамикой невозможно. На северобайкальской керамике отсутствуют гребенчатые оттиски, на неолитических сосудах нет большого многообразия оттисков лопаточек и штампов, фиксируемых на северобайкальской керамике. Тем не менее наличие на обоих сосудов нескольких рядов расположенных друг под другом треугольных в сечении валиков сближает эти керамические традиции.

Заключение

Расположенные на северо-западном побережье оз. Байкал стоянки Байкальское VI, Богучанская XIII, Северобайкальск I содержат археологические материалы, датирующиеся в широком хронологическом диапазоне — от неолита до железного века. Хотя, вскрытые на них площади невелики и обнаружено не так много находок, они позволяют судить о культурных и технологических процессах, протекавших в этой части Прибайкалья. Обнаруженная на стоянках керамика, благодаря своим типологическим особенностям, является хорошим индикатором для диагностики археологического материала. Отсутствие в стратиграфии стоянок стерильных прослоек, отделяющих культурные слои друг от друга, не мешает

выстроить относительную хронологию артефактов. Она базируется на фиксации археологического материала, как в геологическом слое, так и в разных его уровнях.

Основываясь на стратиграфических и типологических наблюдениях, а также учитывая данные из других районов байкальского побережья, попробуем разделить обнаруженные артефакты на культурно-хронологические группы.

1. Археологический комплекс с керамикой, имеющей оттиски сетки-плетенки с внешней стороны, — **исаково-серовского типа.** Зафиксирован в 4-м культурном слое Богучанской XIII. Подобная керамика встречается на байкальском побережье и в соседних регионах. Она обнаружена в слоях, относящихся к раннему и позднему неолиту (развитому по О.И. Горюновой). По слоям раннего неолита приольхонских стоянок имеются радиоуглеродные даты — Итырхей: 5700±200 л.н. (ГИН-4881) и 5680±60 л.н. (СОАН-3335); Улан-Хада: 5495±125 л.н. (СОАН-3335) (Горюнова и др., 1996). С учетам калибровки они соответствуют хронологическому диапазону от 5,0/4,7-4,1/4,0 тыс. л. до н.э. Слои позднего неолита (развитого по О.И.Горюновой) датируются в пределах 3,6-3,0 тыс. л. до н.э. Следовательно, керамика исаково-серовского типа в Приольхонье использовалась на протяжении 5-4 тыс. до н.э. Таким же временем можно датировать керамику с оттисками сетки-плетенки и на северо-западном побережье Байкала. Не противоречат этому возрасту и данные, полученные по третьему слою поселения Байкальского III, содержащему керамику с негативами сетки- плетенки — 4,4-3,6 тыс. л. до н.э. (Емельянова и др., 2009). Археологический комплекс, включающий керамику исаково-серовского типа, на северо-западном побережье Байкала правомерно соотносить с неолитом, не разделяя его пока на какие-либо этапы.

2. Археологический комплекс с керамикой **северобайкальского типа.** Обнаружен на стоянках Байкальское VI, Богучанская XIII (3-й культурный слой), Северобайкальск I (2-й культурный слой). Эта керамика встречается в разных частях байкальского побережья, но наибольшая ее концентрация наблюдается на северо-западном берегу Байкала. На стоянках северобайкальская керамика обнаружена в слоях раннего **бронзового века.** К этому же этапу она отнесена и на северо-западном побережье, где датируется серединой III — третьей четвертью II тыс. до н.э. Ранним бронзовым веком датируются и два захоронения могильника Красный Яр I — № 1 и 5.

3. Археологический комплекс с гладкостенной керамикой, украшенной жемчужинами и оттисками отступающей лопаточки, — **глазковского типа.** Отмечен на стоянках Богучанская XIII (2-й культурный слой), Северобайкальск I (1-й культурный слой, уровень «б»). Подобная керамика обнаружена на всем протяжении байкальского побережья и в соседних регионах. Она фиксируется в слоях бронзового века. На северо-западном побережье Байкала ее правомерно соотнести с **поздним бронзовым веком** и датировать концом II — серединой I тыс. до н.э. Хотя, не исключено, что гладкостенная керамика, орнаментированная жемчужинами и оттисками отступающей лопаточки, продолжала использоваться жителями северо-западного побережья и во второй половине I тыс. до н.э., испытав на себе влияние новых орнаментальных веяний. Примером такой керамики могут служить находки из уровня «б» 1-го слоя стоянки Северобайкальск I. Наряду с жемчужинами и оттисками отступающей лопаточки, на их поверхности появляются и новые орнаментальные элементы — валики и двузубчатые оттиски.

4. Археологический комплекс с керамикой **сеногдинского типа,** встречающейся на всей территории Прибайкалья. Эта керамика не отмечена при раскопках стоянок Байкальское VI, Богучанская XIII, Северобайкальск I, но широко представлена среди подъемного материала, обнаруженного на этих памятниках. В Приольхонье подобная керамика распространяется вместе с появлением плиточных могил в конце II тыс. до н.э. и продолжает использоваться до конца I тыс. до н.э., соотносясь с поздним бронзовым — ранним железным веком. На северо-западном побережье Байкала керамика сеногдинского типа получила наибольшее распространение на бутухейском этапе (VII-V вв. до н.э. — III в. до н.э.) и может быть соотнесена с **ранним железным веком,** хотя продолжала встречаться вплоть до I в.н.э. (Кичигин, 2009).

5. Археологический комплекс с керамикой **елгинского типа** представлен на стоянке Северобайкальск I (1-й культурный слой, уровень «а»). Большая часть сосудов, обнаруженных в слое, сочетает в себе компоненты елгинской и сеногдин-

ской керамики. Посуда гладкостенная, украшенная тонкими налепными валиками, деформированными пальцевыми вдавлениями. Такая же деформация наблюдается на венчиках сосудов, в результате чего они приобрели волнистую форму. С внешней стороны венчика у некоторых сосудов фиксируется налеп треугольной формы. Тулово и устье сосудов украшено несколькими рядами тонких нерассеченных валиков. Пока только предварительно можно говорить о возрасте этого керамического комплекса, датируя его **железным веком.**

Предложенная периодизация археологического материала северо-западного побережья Байкала охватывает временной диапазон от неолита до раннего железного века. Она еще далека от совершенства. Не хватает значительного количество данных для установления времени бытования различных керамических типов и их генезиса. К настоящему времени на северо-западном побережье Байкала исследовано всего два захоронения раннего бронзового века и пока не обнаружены неолитические погребения. Корреляцию между стоянками и захоронениями проводить достаточно сложно, так как в них присутствуют разные категории инвентаря, поэтому при их сравнении приходится полагаться только на временные параметры, установленные независимыми способами. Тем не менее, первый шаг, позволяющий упорядочить накопленный археологический материал, уже сделан, и теперь предстоит только уточнять те или иные параметры предложенной культурно-хронологической схемы.

Литература

Абдулов Т.А. Мезолитические горизонты многослойной стоянки Курла IV // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири.- Иркутск: Изд-во ИГУ, 1991.— С.55-62.

Абдулов Т.А., Уваров А.И. Курла IV — многослойный памятник на Северном Байкале // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии: тез. докл. к регион.конф.- Иркутск: Изд-во ИГУ, 1980.— С.115-116.

Абдулов Т.А., Базалийский В.И., Бердникова Н.Е., Ветров В.М., Горюнова О.И., Дзюбас С.А., Задонин О.В., Инешин Е.М., Титов А.В., Федоренко А.Б., Харинский А.В. 1988 Исследования Иркутского университета // Археологические открытия 1986 г.— М.: Наука, 1988.- С.207-212.

Абдулов Т.А., Пилипчук Н.П. Поселение Лысая Сопка на Северном Байкале (по материалам 1997 года) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири.- Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. — С.55-70.

Базалийский В.И. К проблеме хронологической и пространственной интерпретации погребений эпохи раннего неолита на территории Байкальской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. — Новосибирск, 1998. — Т.2. — С. 10-18.

Бердникова Н.Е., Ветров В.М., 2000 Новый ранненеолитический могильник в устье р. Белой (юг Байкальской Сибири) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии.— Т.1: Археология. Этнология,- Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.— С.44-50.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея.— Л.: Наука, 1986.— 179 с.

Вебер А.В., Горнова О.И. Хронология могильника курма XI (озеро Байкал) по археологическим и радиоуглеродным данным // Известия Лаборатории древних технологий.— Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. — Вып. 3. — С. 186-190.

Ветров В.М. Археологические исследования в Муйской котловине (1976-1978 гг.) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. — Иркутск: Изд-во ИГУ 1982. — С.86-100.

Вознесенский А.В. Раскопки Аркадия Викторовича Вознесенского и местных крестьян в 1909 г. на пашне возле кладбища // МАЭ, колл. № 1365.

Воробьева ГА., Горюнова О.И. Особенности осадконакопления и периодизации позднеголоценовых культур Среднего Байкала // 100 лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. — Улан-Удэ, 1996. — 4.2. — С.11-13.

Горбунова Н.Г., Пшеницына М.Н. Поселение и могильник в бухте Шидэ // Древности Байкала: Сб. науч. тр. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. — С.65-69.

Горюнова О.И. Комплексы раннего бронзового века многослойного поселения Тышкинэ III // Археология юга Сибири и дальнего Востока. - Новосибирск: Наука, 1984. — С.57-69.

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о.Ольхон: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1984. — 17 с.

Горюнова О.И. Итоги и перспективы изучения многослойных памятников Байкала // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: тезисы докладов.-Улан-Удэ, 1986. — 4.2 . — С.39-42.

Горюнова О.И. Исследование многослойных поселений Байкала // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. — Улан-Удэ, 1987. — С.77-86.

Горюнова О.И. Бронзовый век на территории Предбайкалья // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. Конф. — СПБ., 1992. — С.50-53.

Горюнова О.И. Поздний бронзовый век на территории Прибайкалья // Археология, антропология и этнография Сибири. — Барнаул: Изд-во Алт. ГУ, 1996. — С.82-96.

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). — Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1997. — 112 с.

Горюнова О.И., Вебер А.В., Ливерсе А.Р., Новиков А.Г. Исследования совместной российско-канадской экспедиции на могильнике Хужир-Нугэ XIV (оз.Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы VI Год. итог, сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. — Новосибирск, 1998. — Т. IV. — С. 230-234.

Горюнова О.И., Воробьева ГА. Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири.-Новосибирск: Наука, 1986. — С.40-54.

Горюнова О.И., Воробьева ГА. Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов евразийских степей в древности. — Барнаул: Изд-во Алт. ГУ, 1993. — С.94-116.

Горюнова О.И., Воробьева Г. А., Орлова Л.А. Новые данные по хронологии многослойных поселений Приольхонья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. — Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996. — С.57-59.

Горюнова О.И., Красавцев А.А., Сергиенко Т.Ю., Новиков А.Г. Новые комплексы развитого неолита Приольхонья (по материалам поселений) // Байкальская Сибирь в древности: сб. науч. тр. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. — Вып.2, ч.2. — С.3-14.

Горюнова О.И., Кузьминский А.В. Керамические комплексы многослойного поселения Итырхей: (Средний Байкал) // Науч.-теорет. конф. Секция археологии: тез. докл. / Иркут. ун-т. — Иркутск, 1976. — С.24-26.

Горюнова О.И., Лыхин Ю.П. Археологические памятники полуострова Святой Нос // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск, 1985. — С. 130-147.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Зяблин Л.П., Смотрова В.И. Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит-палеометалл). — Новосибирск, 2004. — 87 с.

Горюнова О.И., Номоконова Т.Ю., Новиков А.Г. Многослойное поселение Катунь I — основа периодизации эпохи палеометалла побережья Чивыркуйского залива озера Байкал // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии: Сб. науч. тр. / Отв. ред., д.и.н. проф. Г.И.Медведев. — Иркутск: Изд-во Оттиск, 2008. — С.35-45.

Горюнова О.И., Савельев Н.А. Улан-Хада // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. — Иркутск, 1990. — С. 127-133.

Горюнова О.И. Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала: Сб. науч. тр. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. — С.41-56.

Горюнова О.И., Ярославцева Л.Г. Тышкинэ II — многослойное поселение острова ольхон (оз. Байкал) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. — С.37-54.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного века лесостепного Забайкалья. — М.: Наука, 1981. — 202 с.

Гришин Ю.С. О керамике стоянки Лысая Сопка на Байкале // КСИА. — 1986. — Вып.185. — С. 66-70.

Грушин СП. Радиоуглеродная хронология афанасьевских памятников Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследования: Сб. науч. тр. / отв. Ред. Ю.Ф.Кирюшин, А.А.Тишкин. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. — С.ПО-112.

Емельянова Ю.А. К вопросу об орнаментике керамики северобайкальской культуры // Социогенез в Северной Азии: Сб. науч. тр.- Иркутск:

Изд-во ИрГТУ, 2005. — 4.1. — С. 91-96.

Емельянова Ю.А. Керамика северобайкальского типа // Известия Алтайского государственного университета. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. гос. ун-та, 2008. — № 4/5. — С.58-62.

Емельянова Ю.А. К проблеме изучения керамика северобайкальского типа // Социогенез в северной Азии: материалы 3-й Всерос. конф. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. — С. 131-136.

Емельянова Ю.А., Абдулов Т.А. Керамика северобайкальского типа со стоянки Лысая Сопка // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918-1937 гг.: Материалы Всерос. семинара, посвящ. 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3-6 мая 2009 г. — Иркутск: Амтера, 2009. — С.229-233.

Емельянова Ю.А., Харинский А.В. Древнейшее городище-святилище на побережье озера Байкал // Известия Лаборатории древних технологий.- Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. — Вып. 6. — С. 145-166.

Емельянова Ю.А., Харинский А.В., Лозей Р.Д. Использование радиоуглеродного метода для датировки поселения Байкальское III (северное побережье озера Байкал) // Роль естественнонаучных методов в археологических исследования: Сб. научн. Трудов / Отв. ред. Ю.Ф.Кирюшин, А.А.Тишкин. т- Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. — С.112-116

Ермолова Н.М., Марков Ю.Н., 1983 Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры евразийских степей.- Л.: Наука, 1983. — С.95-98.

Ивашина Л.Г Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. — Новосибирск, 1979. — 155 с.

Карнышев И.С, Кичигин Д.Е. Керамика сеногдинского типа стоянки Красный Яр II (Северобайкальский район, республика Бурятия) // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций / Мат. XLVIII регион. (IV Всерос. с междунар. участием) археол.- этнограф, студ. конф. (Барнаул, 21-24 апреля 2008 г.). — Барнаул: Азбука, 2008. — С.157-158.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин СП., Папин Д.**В.** Радиоуглеродная хронология памятников эпохи раннего металла Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследования: Сб. научн. Трудов / отв. ред. Ю.Ф.Кирюшин, А.А.Тишкин. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. — С.120-124.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин СП., Тишкин А.А., 2003 Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. — 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Матренин С С, Грушин СП. Радиоуглеродное датирование погребальных комплексов афанасьевской культуры Горного Алтая (по материалам работ в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2006-2007 гг.) // Роль естественно-научных методов в археологических исследования: Сб. научн. тр. / отв. ред. Ю.Ф.Кирюшин, А.А.Тишкин. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. — С. 124-130.

Кичигин Д.Е. Шнуровая керамика периода позднего бронзового — раннего железного веков западного побережья озера Байкал // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й всероссийской конференции (Иркутск, 29 марта — 1 апреля, 2009 г.) — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. — С. 158-165.

Комарова М.Н., Шер Я.А. Могильники бухты Улан-Хада // Древности Байкала: Сб. науч. тр. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. — С.32-41.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. — Новосибирск: Наука. 1979. — 167 с.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. — Новосибирск: Наука, 1982. — 175 с.

Константинов М.В., Базарова Л.Д.. Семина Л.В. Древнее поселение Посольское // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. — Улан-Удэ, 1995. — С.18-25

Коростелев А.М. Погребения эпохи бронзы на побережье Северного Байкала // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской (с международным участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых.- Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. — С. 174-175.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. — Актобе, 2008. — 360 с.

Лыхин Ю.П. Отчет о проведении археологического обследования трассы автодороги Тыя-Байкальское летом 1983 года. — Архив КАиЭ ИГУ — АЛ-4053. (Иркутск, 1984).

Лыхин Ю.П. Отчет о работах Восточнобайкальского отряда КАЭ ИГУ в 1983 году. — Архив ИА РАН. — Р.1. — № 9348. (Иркутск, 1984)

Лыхин Ю.П. Археологическое обследование трассы автодороги Тыя-Байкальское летом 1983 года // Известия Лаборатории древних технологий.- Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. — Вып. 1. — С. 134-155.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по С14 погребений Прибайкалья в эпоху голоцена // СА. — 1989. — № 1. — С. 19-32.

Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология археологических памятников эпохи неолита и раннего металла Барабинской лесостепи // Роль естественно-научных методов в археологических исследования: Сб. научн. тр. / отв. ред. Ю.Ф.Кирюшин, А.А.Тишкин. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. — С. 140-143.

Массон В.М. Введение // Энеолит СССР. — М.: Наука, 1982. — С. 5-8.

Новиков А.Г., Долганов В.А. Улярба — новое стратифицированное поселение в Приольхонье // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ 2008. — Вып. 6. — С.101-111.

Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И. Неолитические комплексы многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив оз. Байкал) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. — Вып. 2. — С.117-123.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М.; Л.: Наука, 1950. — Ч. 1-2: Историко-археологические исследования. — 412 с. (МИА; № 18).

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М.; Л.: Наука, 1955. — Ч. 3: Глазковское время. — 347 с. (МИА; № 43).

Окладников А.П. Неолитические памятники нижней Ангары: (от Серова до Братска). — Новосибирск: Наука, 1976. — 328 с.

Окладников А.П., Конопацкий А.К. Исследования на острове Ольхон в 1975 году // Источники по археологии Северной Азии (1935-1976 гг.). — Новосибирск, 1980. — С.123-136.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях.-Новосибирск: Наука, 1995. — Ч. 2. — С.207-232.

Панов Н. Сборы врача Н.Панова в 1902 г. на мысу Лударь // МАЭ, колл. № 734.

Петри Б.Э. Неолитические находки на берегу Байкала: Предварит, сообщ. о раскопке стоянки «Улан-Хада» // Сб. / МАЭ. — 1916. — Т.З. — С.113-132.

Попова Т.А. Древние культуры Сибири (по материалам археологического собрания МАЭ) // Материальная и духовная культура народов Сибири.- Сборник МАиЭ. — Л.: Наука, 1988. — Т. 42. — С.159-187.

Рыков Г.К. Новые данные о эпохе палеометалла северо-западного побережья оз.Байкал // Археологические исследования в Сибири. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1989. — С.14-15.

Рыков Г.К. Археологические исследования в бухте Богучанской (Северный Байкал) // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. — Красноярск: Изд-во КГПУ 1991. — Т.2. — С.47-48.

Рыков Г.К. К вопросу о северобайкальской культуре // Первая Дальневосточная конференция молодых историков: Тез. докл. — Владивосток: Дальнаука, 1991а.- С.17-19.

Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый лес: (предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1974. — Вып. 1. — С.160-199.

Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963-1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963-1965 гг. — Иркутск: Изд-во ИОКМ, 1966. — С.50-69.

Святко СВ., Поляков А.В. Новые радиоуглеродные даты памятников эпохи бронзы — начала железного века Среднего Енисея // Роль естественно-научных методов в археологических исследования: Сб. научн. Трудов / отв. ред. Ю.Ф.Кирюшин, А.А.Тишкин. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. — С. 146-149.

Сергеева Н.Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. — Новосибирск, 1981. — 151 с.

Сидорчук М.Л. К вопросу о типологии и хронологии «городища» Байкальское III // Дуловские чтения 1997 года: (Секция археологии и этнографии). — Иркутск: Изд-во ИГПУ, 1997. — 74-78.

Сосновская Н.С., Харинский А.В. Захоронение на берегу бухты Сохте и некоторые аспекты изучения «сидячих» погребений Прибайкалья // Дуловские чтения 1997 года: Секция архе-

ологии и этнографии: Материалы докл. и сообщ. — Иркутск, 1997. — С.70-73.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследования: Сб. научн. Трудов / отв. ред. Ю.Ф.Кирюшин, А.А.Тишкин,- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009.- С.154-159.

Тиваненко А.В. Древние наскальные рисунки Забайкалья. Итоги археологической экспедиции в 1978 году. — Улан-Удэ, 1979. — И А РАН. — Р,1. —№7040. — 178 л.

Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в кон. II-I тыс. до н.э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.- Владивосток, 2003. — 24 с.

Туркин Г.В. и Харинский А.В. Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологической и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита-бронзового века на Южном Байкале // Известия Лаборатории древних технологий. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. — Вып. 2.— С. 124-158.

Фролов А.В., Хамзин А.А. Новые погребения бронзового времени в устье Белой // Пятая конференция молодых ученых вузов Иркутской области. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1987. — С.85.

Харинский А.В. Полевые исследования на Северном Байкале летом 1986 года // Архив ИА РАН. — Р.1, №11697. — 49 л. (Иркутск, 1987)

Харинский А.В. Полевые исследования на Северном Байкале летом 1987 г. (Северобайкальский район Бурятской АССР).- Архив ИА РАН. — Р.1, № 12768. — 125 л. (Иркутск, 1988).

Харинский А.В., 2004 Погребальный ритуал населения Северного Прибайкалья в середине I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э.: по материалам могильника Байкальское XXXI // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. — Вып. 2. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. — С. 134-150.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ 2005. — Вып. 3. — С. 198-215.

Харинский А.В. Прибайкальская керамика с налепными валиками и некоторые вопросы культурных контактов населения Северной Азии в III тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Северная пацифика — культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Материалы Междунар. науч. конф. «По следам древних костров...».- Магадан: Изд-во СМУ 2005а. — С.123-125.

Харинский А.В., Карнышев И.С. Керамические традиции северо-западного побережья озера Байкал в I тыс. до н.э. (по материалам стоянки Балтаханова III // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее / Материалы регион, научно-практ. Конф.. 12-15 ноября 2003 г. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. — С.137-141.

Харинский А.В., Сосновская Н.С. Могильник бронзового века Хадарта IV // Байкальская Сибирь в древности. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. — Вып. 2, ч. 2. — С. 66-100.

Харинский А.В., Туркин Г.В., Федорин М.А. Химический состав металлических изделий из погребений II-I тыс. до н.э. северного побережья озера Байкал // Западная и Южная Сибирь в древности: сб науч. трудов / Отв. ред. А.А.Тишкин.- Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. — С.208-212.

Хлобыстин Л.П. Древнейшие памятники Байкала // Палеолит и неолит СССР. — М.; Л.: Наука, 1965. — Т.5. — С.252-279.

Хороших П.П. Археологические сборы в окрестностях с. Байкальское в 1963 г. — ИРОМ, колл. № 10047.

Хороших П.П. Археологические исследования на северном берегу оз.Байкал, в районе пос. Байкальского. — Архив И А РАН. — PL, № 2675. — 47 л. (Иркутск, 1964).

Шмыгун П.Е. Микронуклеусы нижних горизонтов стоянок Курла II-III // Археология и этнография Восточной Сибири: Тез. докл. к регион, конф. — Иркутск: Изд-во ИГУ 1978. — С.14-16.

Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С. Курлинский бескерамический комплекс на Северном Байкале (предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1978. — С.56-61.

Шмыгун П.Е., Филиппов А.К. Нижний комплекс стоянок Курла на Северном Байкале // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии: Тез. докл. регион, конф. — Иркутск: Изд-во ИГУ 1980. — С.113-114.

Шмыгун П.Е., **Филиппов** А.К. Нижний комплекс стоянок Курла // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. — С.15-24.

Цыбиктаров А.Д. Новые данные по археологии Северного Байкала // Отчн. Научн.-теорет. конф. Археология. Этнография. Источниковедение: Тез. докл. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1979. — С.17-18.

Цыбиктаров А.Д. Отчет о полевых исследованиях летом 1978 г. на Северном Байкале. — Архив ИА РАН. — Р.1. — 54 л. (Улан-Удэ, 1979).

Цыденова Н.В.. Хамзина Е.А. Керамические материалы посольской стоянки: корреляции и варианты интерпретации // Известия Лаборатории древних технологий.- Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006.- Вып. 4. — С. 323-332.

Weber A. The Neolithic and Bronze Age of the Lake Baikal Region // A Review of Recent Research. Journal of World Prehistory. — 1995. — Vol.9, No1, —P.99-165.

Weber A. Early Neolithic chronology and mortuary variability in Cis-Baikal // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования: Сб. Науч. тр. / Под ред. А.В.Харинского.- Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. — С. 114-121.

Weber A., Beukens R., Bazaliiskii V., Goriunova O., Savel'ev N. Radiocarbon date from Neolithic and Bronze Age hanter-gazerer cemeteries in the Cis-Baikal Region of Siberia // Radiocarbon. — 2006. — Vol.48, Nr 1. — P. 127-166.

WeberA.,McKenzieH., Beukens R., Goriunova O. Evaluation of radiocarbon date from the Middle Holocene hanter-gazerer cemetery Khuzhir-Nuge XIV, Lake Baikal, Siberia // Journal of Archaeological Science. — 2005. — 32. — P. 1481-1500.

Summary

Article represents the data from three archaeological sites on North-Western coast of Baikal Lake: Baikal'skoe VI, Boguchanskaya XIII, Severobaikaisk I. Due to their typological specifics the found pottery remnants themselves are the good indicators for archaeological data. Based on stratigraphy and planigraphy observations and taking into account the data from other areas of Baikal coast authors try to differ discovered artifacts into culture-chronological groups.

1. Archaeological complex with pottery imprinted by net (Isakovo-Serovsky type) on the North-Western coast of Baikal Lake while should be addressed to Neolithic without differentiation into any stages.

2. Archaeological complex with pottery of Severobaikal'sky type belongs to Early Bronze Age, middle of III — end of II millennia BC.

3. Archaeological complex with smooth-side pottery decorated by pearls and prints of stepping back spatula (Glazkovsky type) on North-Eastern coast of Baikal Lake should be addressed to Late Bronze Age, end of II — middle of I millennia BC.

4. Archaeological complex with pottery of Senogdinsky type was mostly dispersed on the North-Eastern coast of Baikal Lake in the Butukheisky stage, VII-V — III centuries BC, and could be addressed to Early Iron Age while such pottery were appeared earlier as well as later then this time.

5. Archaeological complex with the pottery of Elginsky type could be addressed to Iron Age.